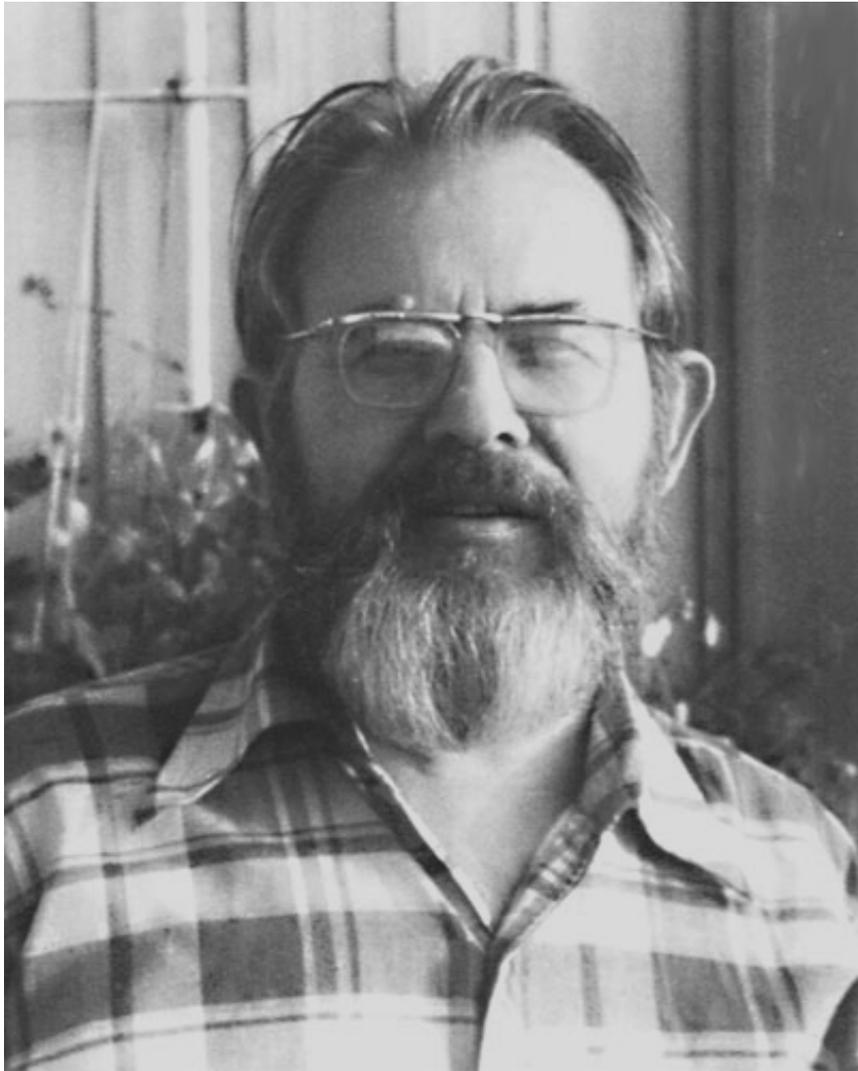

Посвящаю светлой памяти дорогого друга Пшимафа Улагаевича Аутлева – первого адыгского археолога-профессионала, моего спутника по совместным археологическим экспедициям, занятым изучением дольменных памятников. Об этом времени всегда вспоминаю с лёгким сердцем и теплотой.

В.И. Марковин

Владимир Иванович Марковин
(29.12.1922 – 23.02.2008)

Учреждение РАН
Институт гуманитарных исследований
Правительства КБР и КБНЦ РАН

В.И. МАРКОВИН

КУРГАН ПСЫНАКО

*памятник
дольменной культуры
Кавказа*

НАЛЬЧИК · 2011

УДК – 902.2 (470.620 = 352.3) «63»
ББК – 63.4 (2 Р. Ады) – 429
М – 27

Печатается по решению Ученого Совета
Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

Редакторы:

доктор исторических наук	<i>Б.Х. Бгажноков</i>
кандидат исторических наук	
Заслуженный деятель культуры КБР	<u><i>Б.М. Керефов</i></u>
кандидат исторических наук	<i>В.А. Фоменко</i>

Рецензенты:

доктор исторических наук, чл.-корр. РАН	<i>Х.А. Амирханов</i>
доктор исторических наук	<i>С.Н. Корневский</i>

Марковин В.И. Курган Псынако – памятник дольменной культуры Кавказа. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. – 84 с.

Иллюстрации автора

Книга выдающегося археолога-кавказоведа, доктора исторических наук Марковина Владимира Ивановича посвящена замечательному памятнику дольменной культуры Северо-Западного Кавказа – кургану и находившемуся в нем дольмену Псынако недалеко от города Туапсе. Исследователь считает Псынако культово-погребальным комплексом III–II тыс. до н.э., отмечает уникальность архитектуры курганной насыпи, корректно излагает свои идеи о средиземноморских связях дольменов Северо-Западного Кавказа, а также об их связях с древней историей адыгов.

Книга адресована археологам, историкам, этнологам, работникам музеев, а также широкому кругу читателей, интересующихся археологией и историей Северного Кавказа.

ISBN 978-5-91766-030-1

© Марковин В.И., 2011
© КБИГИ, 2011

Предисловие

Трудно говорить о В.И. Марковине в прошедшем времени. Владимир Иванович, достойно прошедший большой трудный жизненный путь и суровое горнило войны, преодолел все препоны и стал археологом-кавказоведом, доктором исторических наук и Заслуженным деятелем науки Российской Федерации, признанным авторитетом в археологии эпохи бронзы (II тыс. до н.э.) Северного Кавказа. И не только – он знал и разрабатывал как проблемы предшествующего времени, III тыс. до н.э., так и эпохи позднего средневековья. Будучи талантливым живописцем и графиком, во время своих многолетних экспедиций в горы Центрального и Северо-Восточного Кавказа, В.И. Марковин постоянно собирал материал по самобытной средневековой архитектуре горцев и делал высокопрофессиональные обмерные чертежи памятников. Без преувеличения можно сказать, что научное наследие В.И. Марковина – суть и смысл его жизни – входит в основной, нетленный фонд северокавказской археологической науки.

Перу В.И. Марковина принадлежит более 10 крупных монографий и около 300 статей и иных публикаций по общим и частным проблемам археологии, истории и культуры народов Кавказа. Одной из главных, волновавших в течение почти всей творческой жизни ученого тем – была тема дольменов и так называемой дольменной культуры конца III–II тыс. до н.э. Как справедливо заметил Н.Я. Мерперт, тема дольменов остро дискуссионна и под силу лишь опытному археологу широкого профиля и обширной эрудиции. Именно таким предстал В.И. Марковин в его капитальных монографиях «Дольмены Западного Кавказа» (М., 1978) и «Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья» (М., 1997). Эти и другие труды В.И. Марковина представляют надежный фундамент для дальнейшей разработки проблемы древних дольменов Северного Кавказа. Рассмотрен широкий круг таких вопросов, как типология погребальных сооружений, особенности каждого типа, сочетание этих типов в одной группе, хронология, вопросы происхождения дольменов, их место в этнокультурной истории народов Северного Кавказа.

Существует гипотеза о том, что дольменная культура II тыс. до н.э. оставлена неизвестными нам протоадыгскими племенами. Хотя данную гипотезу нельзя считать установленным фактом, она привлекла заинтересованное внимание адыгских археологов, историков, общественности. В 1974 году Кабардино-Балкарский НИИ издал небольшую монографию В.И. Марковина «Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов»

(Нальчик, 1974). Голос авторитетного ученого, чуждого довольно распространенной в наше время безудержной фантастики по части древней истории (чем древнее, тем легче фантазировать), не мог быть не услышан – упомянутая гипотеза стала популярной и наметила пути дальнейших разысканий для профессиональных археологов-адыговедов. Мы не сомневаемся, что труды и идеи В.И. Марковина будут продолжены – глубокий интерес народов Кавказа к своей истории общеизвестен.

И вот мы представляем читателю новый труд В.И. Марковина, посвященный замечательному памятнику дольменной культуры Северо-Западного Кавказа – кургану и находившемуся в нем дольмену Псынако недалеко от города Туапсе. Подкурганый дольмен Псынако замечателен тем, что к входу в дольмен вел так называемый дромос – каменный коридор, сам дольмен накрыт сферической формы куполом – толосом, а насыпь имела каменную крепиду и выложенные из камней «лучи», сходящиеся к центру насыпи. Исследователь считает Псынако культово-погребальным комплексом, отмечает, что толос над дольменом Псынако единственный для Северного Кавказа и еще раз осторожно и корректно излагает свои идеи о средиземноморских связях дольменов Северо-Западного Кавказа и возможных тогда миграциях этнических групп. Не будем здесь обсуждать эти интересные вопросы, на них, несомненно, обратит внимание читатель.

Предлагаемый труд В.И. Марковина, судя по первым его страницам, был написан более 10 лет тому назад. По не зависящим от нас обстоятельствам рукопись книги все эти годы оставалась не продвинутой в печать. Сейчас, памятуя о публикации В.И. Марковина 1974 года, изданной КБНИИ (Марковин В.И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974), сектор археологии этого института (ныне Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН) вводит в научный оборот материал кургана Псынако, очень важный для археологии Северного Кавказа. Рукопись фактически не подвергалась редакторской обработке или сокращениям: В.И. Марковин был прекрасным стилистом и мастером полемики со своими оппонентами. Идеи, выводы, стиль и язык автора полностью сохранены еще и потому, что монография о Псынако становится последней и, к великому сожалению, посмертной публикацией крупного ученого-кавказоведа, прекрасного человека, талантливого труженика науки.

Пусть эта монография будет своеобразным реквиемом памяти Владимира Ивановича Марковина.

Доктор исторических наук,
заслуженный деятель науки Северной Осетии и РФ
В.А. Кузнецов

Глава 1

Дольменные постройки эпохи бронзы и мистика в канун XXI века нашей эры (вместо введения)

Мы находимся у самого порога XXI века нашей эры. Может быть, эта книжка выйдет из печати, когда на планете Земля уже начнут вышагивать первые годы новейшего III тысячелетия. И с каждым годом будут удаляться от нас, растворяясь в дымке времени, эпохальные даты в жизни нашей страны и, отдельно, более мелкие, чисто семейные и личные события, становясь в разной степени памятными и по-своему важными.

Вот и дольменные постройки, занимающие умы многих ученых как своей архитектурой, так и происхождением, с каждым годом становятся всё древнее и древнее. Ведь еще относительно недавно, в XIX веке, как отмечал известный этнограф Леонид Иванович Лавров, им поклонялись шапсуги. У входа в дольмен они возлагали даже жертвенную пищу. И это не было молением с корыстной целью – извлечь что-то полезное для себя, а просто дань уважения далеким предкам. Они знали, что там – в дольмене – покоятся их кости¹. Для подобной веры не нужны были глубокие научные доказательства. С большим почтением к дольменным постройкам относились абхазы. Об этом писал другой этнограф – Шалва Денисович Инал-Ипа².

Может быть, стоит напомнить, что речь идёт о монументальных – мегалитических постройках, сложенных из массивных плит и блоков наподобие карточного домика. Обычно у них имеется небольшой лаз-вход, ведущий в камеру (внутреннее помещение). У адыгов (шапсугов, абадзехов, адыгейцев и др.) они известны как «дома карликов», «пещеры», «древние могильные дома», у народов Грузии как «дома великанов», «вместилища костей» (названия даны в переводе на русский язык). Конечно, каждый дольмен по-своему грандиозен и вызывает уважение к его строителям. Никакого удивления не может вызвать сам факт почтительного отношения к подобным сооружениям со стороны местных жителей с самого давнего времени.

Для русских и европейских ученых западнокавказские дольмены стали известны с 1794 года, когда их впервые обнаружил П.С. Паллас на Таманском полуострове близ местечка Чокрак-кой³. С тех пор уже прошло более 200-х лет, по нашей стране лавиной прокатилась всепоглощающая волна

атеизма. Казалось бы, всякая вера в нечто отвлеченно-чудесное позади, залогом тому были социалистические соревнования, обязательства, встречные планы и учебные специальные курсы в вузах и соответствующие уроки в школах. Но, нет! Древние дольменные постройки, с разной степенью интенсивности изучавшиеся учеными все эти годы, холодные и замшелые, вдруг к концу XX века стали своеобразными святилищами. К ним появился интенсивный и далеко не научный интерес, а своеобразные паломничества с горячим молит венным полубредом, с шёпотом и придыханием. Эти новые хождения к дольменам настолько впечатляющи, что не прошли мимо глаз гостя России, голландского археолога Альберта Беккера. Ему удалось посетить такую дольменную «черноморскую Мекку» и видеть пилигримов, возлагающих цветы у древних построек⁴.

В чем же дело? Мне не известна точная подоснова такого поклонения, тем более, что небывалый интерес к дольменам более всего проявляют не люди, живущие неподалеку от них, а приезжие экскурсанты и отдыхающие. Особенно много подобных паломников собирают окрестности г. Геленджика. Они, как было показано как-то по телевизору в передаче «Клуба путешественников», приносят цветы к дольменам и готовы всем телом прильнуть к серому камню.

Просматривая «дольменную» литературу последних лет, я нашел небольшие книжки Владимира Мегре, изданные тремя выпусками в серии «Звенящие кедры России». Это не фантастика и не роман, а повествование такого рода, какое принято сейчас именовать «эссе». В сочинениях В. Мегре главенствует героиня, которую зовут Анастасия. Она, подобно Олесе из одноименной повести А.И. Куприна, ведет автора по извилам жизни. «Звенящие кедры» – это фон, на котором действует Анастасия. Именно она обращает внимание автора на дольмены. В. Мегре пишет о них весьма эмоционально: дольменам Западного Кавказа 10 тысяч лет, «они предшественники египетских пирамид», несмотря на свою древность, дольмены «имеют функциональное значение и для сегодня живущих людей», только надо уметь их «слушать просто сердцем»⁵. Дольмены строили для «достойных» людей. Вероятно, это были племенные вожди, которые боролись с «косностью своего времени». Стремясь понять «Истину первоистоков», именно они, «не утратившие способности пользоваться мудростью Вселенной», уходили в гробницы в «вечную медитацию». Здесь, уже в дольменной камере, куда проникали, приподняв массивное перекрытие, эти люди, находясь в «полной изоляции», при «отключении обычных органов чувств зрения и слуха», обретали «возможность полного общения с Разумом Космоса, осмысливать многие явления и поступки земных людей». Позже, спустя много лет, люди, обуреваемые жизненными вопросами, придя к дольмену и, вытащив из лаза пробку, «советовались с витающими в камере мыслями. Дух мудрости всегда был там». Как пишет В. Мегре древняя постройка и оказавшиеся в ней останки заживо погребенных становились «информационным приемником», способствовавшим связи с «Интеллектом Вселенной»⁶. Таким образом, не подвергается сомнению безусловное утверждение, что каждый дольмен – это «памятник мудрости и великого самопожертвования духа ради будущих поколений»⁷. В силу сказанного вполне понятна, проводимая В. Мегре мысль, что наши современники, подверженные разным тревоблениям, могут почтительно сесть у дольменного сооружения, задуматься над тревожащим

вопросом и ответ на него придёт. А в какой форме, об этом сказано еще в одной «дольменоведческой книжке» новой серии «Экскурсия в Разум». Её анонимный автор (вероятно, А. Солнцев – генеральный директор «Исследовательского центра Анастасия»), немного знающий историю научного изучения дольменов Кавказа, пишет, что ответ на необходимый вопрос может появиться «в виде ощущения, образа, мыслеформы» и даже через «книги, размышления».

Данный автор также считает, что строители дольменов «были мыслителями... Им не было равных во Вселенной. По интеллекту выше был только сам Великий Интеллект Вселенной – Бог». «Дольмены не приемлют фальши, лицемерия, лжи»⁸. Этот анонимный автор рекомендует при необходимости пользоваться фотографиями дольменных сооружений, ибо снимки являются их «информационными отпечатками». Именно с этой целью еще в начале 1998 г. «ИЦ Анастасия» был издан набор открыток с видами дольменов, расположенных в районе г. Геленджика. В пояснении к открыткам сказано: «Рассмотрите фотографии Дольменов. Выберите одну. Определите точно задачу, цель, вопрос наиболее важные для Вас в этот момент, что Вы хотите знать, о чём попросить Дольмен... Поздоровайтесь с Духом Дольмена... Задав вопрос, послушайте в себе ответ... Закончив работу, поблагодарите Дольмен, попрощайтесь с ним...»^{*}.

Всё это мистика в чистом виде!

Поклонение дольменам и использование их в качестве оракула – это возрождение давно известных мистических действий скрытого общения с «тайными существами и силами мира» независимо от «пространства, времени» и самой физической возможности такой практики⁹. Этот уход от повседневности «со стремлением погрузиться в глубину собственного бытия» и не простого осмысления его, а «с привлечением потустороннего мира» и есть мистика¹⁰. Кстати, практику ритуального поклонения камням и растениям, а ведь дольмены – это сооружения, созданные в «вечном камне», румынский мистик Мирча Элиаде назвал иерофанией¹¹. При этом дольмены, будучи осязаемой, вполне существующей реальностью, он считал, что они таят в себе нечто таинственное, мистически сверхъестественное. Это нечто и обыграно нашими почитателями мегалитов.

Преклонение перед дольменами и мегалитами у европейцев уходит в далекое прошлое. Возле них устраивались даже жертвоприношения. Жак Марсиро пишет, что католическая церковь боролась даже с подобным культом¹². К этому следует добавить, что мистическое поклонение пирамидам и разного рода мегалитам у теософов уже давно рассматривается как культово необходимое. Теософское учение, которое в какой-то степени сейчас возрождает В. Мегре, характеризуется поисками знаний о Боге и божественной мудрости при помощи личного, непосредственного созерцания, придавая таким впечатлениям форму «законченной системы»¹³. И у теософов такие постройки как дольмены всегда рассматривались в качестве зримого свидетельства своеобразного «божественного самооткровения» (теофании) в итоге молчаливого воздействия на человеческую сущность и деятельность «Духа и Разума Божественного Лица»¹⁴. Теософия не равна большим каноническим религиям, которые опираются на священные Писания, Откровения,

---

^{*}Приведено в сокращении.

Предания и проч. Это чисто умозрительное учение, исходящее из личного «Я» и его мироощущения. Нет сомнения, что взгляды В. Мегре и его последователей возникли под непосредственным учением известного теософа Е.П. Блаватской (1831–1891), проповедовавшую необходимость «возврата к мудрости древних». И сейчас, как это ни странно, после нашего многолетнего ниспровержения всё и вся с помощью атеизма снова становятся весьма популярными её книги «Тайная доктрина» и «Разоблаченная Изида». Это несмотря на сложности самого учения Е.П. Блаватской и её манеру ведения проповеднического рассказа. Вероятно, поэтому историк мистических воззрений К. Уилсон пишет о «Тайной доктрине», что она создана на «уровне детских сказок» и это «мутный поток, выносящий все виды странных объектов на поверхность»¹⁵. О том же, что В. Мегре и его последователи испытывают влияние такого рода мистиков, как Е.П. Блаватская, свидетельствует их стремление к восхвалению и возвеличению монументальных сооружений – в данном случае, дольменов и пожелание в связи с этим к самоуглублению, и употребляемая чисто мистическая терминология, наподобие словосочетания «мыслеформа»*.

Думаю, что дольменные памятники используются в мистических целях в силу уверенности, что их стены и детали устройства сохраняют «дыхание», «энергию» (прану) людей прошлого¹⁷, и к пране, очевидно, страждущие пилигримы и должны были обращаться. Естественно человек, ожидающий ответ на жизненно важные вопросы, невольно самоуглубляется, отвлекаясь на время от повседневности. Эта пауза внутри себя через какое-то время дает возможность получить ожидаемый ответ, который, пользуясь термином писателя М.П. Арцыбашева, воспринимается «внутренним слухом» (повесть «Пропать»). Древняя постройка здесь совершенно ни при чем, ответ, хотя бы в неоформленном виде, был изначально в самом человеке, но заслонен каждодневными заботами его жизни. Здесь важную роль играет сам ритуал обращения к дольмену, а ритуал – «это... иррациональное действие, представляющее собой имитацию, в котором присутствуют три элемента: магический, утилитарный и символический»¹⁸. Такова, по-моему, психологическая основа нарождающейся веры в дольмены.

Как уже говорилось, В.Мегре относит возникновение дольменов Кавказа к X тысячелетию от наших дней. Анонимный автор также во всем следует за ним, хотя и упоминает некоторых исследователей-кавказоведов (А.А. Иессена, О.М. Джапаридзе и др.)¹⁹. Однако, если спокойно разобраться в предложенной датировке, то археологически это VIII тыс. до н. э., время, которое даже для самых передовых регионов в истории человечества приходится на конец мезолита и его переход к неолиту. Это время, когда люди переходили от собирательства и охоты к производящему хозяйству, умению шлифовать камень и к пробам в изготовлении керамики²⁰. Конечно, и интеллектуально и психологически они были очень далеки от нашей современности – начала XXI века.

Археологами дольмены, как правило, датируются эпохой бронзы. Это опять-таки не современность. Для района г. Геленджика известно мало непотревоженных дольменов. Местный краевед И.И. Аханов исследовал здесь 28 построек. Они содержали материалы скифского времени, иначе говоря,

---

*О термине «мыслеформа» мистики пишут: «Особое образование, возникающее благодаря энергии ментального и астрального уровня из мыслей человека»¹⁶. Не правда ли, очень ясно?

были очищены от древних захоронений и использованы повторно²¹. Наши, более поздние исследования данный факт только подтвердили²². Такие дольмены, как «Хан», «Гор», «Лит», «Инф», «Гор и «Мая» уже давно потеряли свой культурный слой (он смыт, расчищен, пережжен кострами и уничтожен в скифо-сарматское время)*. Наверно с их помощью трудно ожидать проявления «Истины Первоистоков».

Я не собираюсь ставить какие-либо препоны культовым хождениям к дольменам, не мне заниматься сейчас пропагандой, к тому же вера – чувство слишком многогранное. Но когда вместе с призывами к молениям у дольменов преподносятся антинаучные факты (возьмем датировку дольменов X тысячелетием), то это вызывает протест. Хотя наука пестрит ляпсусами. Еще в начале XIX в. некто А.Д. Беляев высказал абсурдное предположение, что дольмены служили «кухнями для обжигания и высушивания трупов»²⁴. А вот еще одна не менее дикая версия. Она принадлежит Ф. Кравченко. По его мнению, все мегалиты, включая Стоунхендж в Англии, служили охотничьими сооружениями для приманки и убоя крупных животных²⁵. И, наконец, упомяну новейший монографический труд, посвященный дольменам Кавказа и вышедший под грифом Санкт-Петербургского Государственного университета педагогического мастерства. Создателем его является Г.В. Костыря. Высказанная им идея о назначении дольменов, как сказано в предисловии к книге, «способна радикальным образом изменить существующие археологические и исторические представления о древних дольменах Северного Кавказа, так и о хозяйстве этих племен, населявших этот район в эпоху неолита, в целом»²⁶. И какова же эта идея? Очень проста: дольмены служили каменными печами для выплавки металла, – вначале меди, затем железа, и для обжига керамики. Это утверждение подано на 10 страницах текста, но без единого анализа соответствующих шлаков, обломков руд, шихты, металлической окалины, остатков углей, керамического брака и т.д.²⁷. К версии Г.В. Костыри я еще вернусь, но предварительно могу сказать, что «идея» его книги, даже очень научно обрамленная, по своей беспочвенности не далеко ушла от ярких эмоциональных утверждений В.Мегре и его «школы».

«Мистические переживания по многим существенным признакам совпадают с обычными религиозными: религия необходимо мистична, а мистика необходимо религиозна»²⁸. Это следует помнить. На одном самом глубоком, движимом «душой» желании, факты истории нельзя воссоздать. Может быть, поэтому исторические реконструкции мистиков не выдерживают критики. Приведу только один факт. Нумерологи** вычислили, используя габариты известной пирамиды Гизе, что потомками ее строителей являются англо-саксы (представители высшей расы), им и принадлежит замысел ее создания, а египтяне лишь осуществляли его²⁹. Данное утверждение противоречит всем научным фактам, добытым собственно египтологией, историей, антропологией и этнографией.

Возвращаясь на Кавказ и к его дольменным памятникам, хочется только одного, чтобы люди, ожидающие помощи от дольменов, сохраняя

---

*Названия дольменов взяты с открыток, изданных «ИЦ Анастасия». Из них дольмен «Хан» уже в конце XIX в. имел исковерканную переднюю плиту²³.

**Нумерология – мистико-магическое учение, восходящее к Пифагору. Основано на вере в числовые вибрации во Вселенной, использует цифровые значения дат, букв и проч.

почтительное уважение к ним, не пытались бы еще и каким-то образом их изучать. В этом отношении я вполне согласен с археологом В.А. Трифоновым. В беседе с корреспондентами он высказался, что очень хотел бы видеть кавказские мегалиты вполне сохранными и без каких-либо расчисток после посещения их пилигримами³⁰. Это действительно важно для науки, ведь каждый дольмен с его окружением неповторим, и их научное изучение чрезвычайно важно для историка-кавказоведа.

Примечания

1. Лавров Л.И. Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Сухуми, 1960. Т. 31. С. 104.
2. Инал-Ина Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976. С. 94–96.
3. Pallas P.S. Bemerkungen auf Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reiches in den Jaren 1793 und 1794. Leipzig, 1803. Bd. II. S. 278, 279.
4. Trifonov K. Hunebedden als bedevaartsoord // Algemeen Dogblad. Amsterdam, 1999. 20 februari.
5. Мегре В. Анастасия. Существую для тех, для кого существую // Серия «Звенящие кедровые России». М., 1997. Кн. 1. С. 172, 173.
6. Мегре В. Звенящие кедровые России // Серия «Звенящие кедровые России». М., 1997. Кн. 2. С. 192–194.
7. Мегре В. Пространство любви // Серия «Звенящие кедровые России». М., 1998. Кн. 3. С. 39.
8. Дольмены // Серия «Экскурсия в разум». М., 1999. С. 15–17.
9. Соловьев Вл.С. Мистика // Христианство. Энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 1995. Т. 2. С. 120, 121.
10. Радлов Э.Л. Философский словарь. СПб., 1904. С. 165.
11. Вандерхилл Э. Мистики XX века. Энциклопедия. М.: Миф-Локид, 1996. С. 336.
12. Марсиро Ж. История сексуальных ритуалов. М.: Крон-Пресс, 1998. С. 291, 292.
13. Лапшин И.И. Теософия // Христианство. Энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 1995. Т. 3. С. 19, 20.
14. Радлов Э.Л. Философский словарь. С. 251; Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 351, 352; Спираль познания: Мистика и Йога. Мистика устами мистиков. М.: Прогресс-Сирин, 1992. С. 315–325.
15. Уилсон К. Оккультизм. М.: Изд. Товарищества «Клышников-Комаров и К⁰», 1994. С. 138.
16. Краткий магический словарь // Приложение к сочинениям: Крег Д.М. Современная магия: теория и практика; Хасон П. Искусство колдовства. М.: Церера, 1994. С. 496.
17. Дубров А.П., Пушкин В.Н. Парапсихология и современное естествознание. М.: Соваминко. С. 27, 118.
18. Марсиро Ж. История... С. 73.
19. Дольмены... С. 15–17.
20. Амирханов Х.А. История первобытного общества (учебно-методическое пособие). М., 1992. С. 47.
21. Аханов И.И. Геленджикские подкурганые дольмены // СА. М., 1961. № 1. С. 139–149; Марковин В.И. К вопросу об археологической интерпретации изделий из Геленджикских дольменов // Медные рудники Западного Кавказа

III–I тыс. до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения. Тезисы докладов Башкапсарского полевого археологического семинара. Сухуми, 1988. С. 24, 25.

22. *Марковин В.И.* Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997. С. 253–261, 271–283, рис. 131, 133, 141, 143.

23. *Zichy E.* Voyage au Caucase et en Asie Central (Jean Janko et Bela de Posta. Description des collections). Budapest, 1897. Vol. 2. P. 332.

24. *Беляев А.Д.* Богатырская хата (Dolmen). Туапсе, 1906. С. 3, 12.

25. *Кравченко Ф.* Некоторые способы охоты и защиты у людей каменного века // «Техника – молодежи». 1986. № 7. С. 54–57.

26. *Носов С.Н.* Предисловие к книге Г.В. Костыря «Дольмены Северного Кавказа – гипотезы и реальность». СПб., 2000. С. 4.

27. *Костыря Г.В.* Дольмены Северного Кавказа – гипотезы и реальность. СПб., 2000.

28. Энциклопедия мистицизма. СПб.: Литера, 1992. С. 232.

29. *Кавендиш Р.Д.* Магия Запада. М.: Изд. Товарищества «Клышников-Комаров и К°», 1994. С. 32, 33.

30. *Вильде Т.* Цветы у склепов... бронзового века // Газ. «Невское время». СПб., 1998. 26 декабря. № 236 (1878); *Григорьев А.* Прочь, современные вандалы // Газ. «Неделя Геленджика», 1998. 29 октября – 8 ноября. № 44.

Глава 2

О дольменах Западного Кавказа и проблемах в их изучении

В 1794 году у станицы Фонталовской, в местечке Чокраккой (Таманский полуостров), как уже говорилось, академик Петр Симон Паллас впервые обнаружил, дольменные постройки на Северном Кавказе. Это были огромные гробницы, сложенные из крупных каменных плит наподобие карточного домика. Его беглые заметки о них явились первым звеном в их изучении¹. Они и послужили началом поиска подобных памятников. В 1871 г. на Втором археологическом съезде уже было обращено внимание ученых на необходимость специального исследования дольменов с целью выяснения времени их постройки и происхождения².

Надо сказать, что выявление дольменных сооружений большей частью являлось делом случая. Еще более сложными оказались подходы к научному осмыслению самих памятников. Сложность состояла прежде всего в том, что дольмены содержат незначительное количество археологического материала, сопутствующего времени их создания. В основном это обломки керамической посуды, кремневые и костяные изделия и, в редких случаях, предметы из бронзы. Казалось бы, лучшие археологические силы занялись их изучением (назову хотя бы таких ученых, как Н.И. Веселовский, А.С. Уваров, П.С. Уварова, А.А. Миллер), но результаты их деятельности к началу XX века не пошли дальше общих предположений и кое-каких довольно противоречивых хронологических разработок³.

XX век внёс не так уж много изменений в проблему происхождения и этнической принадлежности дольменных сооружений. Весьма положительным фактом надо считать открытие дольменов в Абхазии⁴, ведь до 1907 г. считалось, что южнее реки Псоу дольмены не могут быть обнаружены⁵. Сейчас уже выявлен общий и довольно обширный ареал этих редких построек. Некогда они занимали пространство, протянувшееся с северо-запада на юго-восток, вдоль кавказского побережья Черного моря на 480 км., от г. Очамчиры в Абхазии и до мыса Тузла на Таманском полуострове⁶. Для данной территории можно говорить о более, чем 190 группах дольменных памятниках⁷, считая за группу 2–3 стоящие рядом

постройки, хотя известно гигантское скопление сооружений, находящееся у хут. Кизинка близ ст. Баговской. В нем насчитывается 564 дольмена, сохранившихся в относительно целом виде и в бесформенных развалах⁸.

Западнокавказские дольмены по своим конструктивным особенностям могут быть разделены на четыре группы: плиточные (сложенные из плит различных пород камня); составные (из плит в сочетании с небольшими блоками камней или только из одних каменных квадров); корытообразные (выбитые в крупной скале и перекрытые плитой) и монолитные (целиком, вместе с потолком выбитые в скале).

Эта типология, кажущаяся очень простой, была выработана не сразу. Ей предшествовало дробное деление древних построек на виды в зависимости от формы самых разных конструктивных деталей⁹. В основе приведенной здесь типологии лежит логически чёткая классификация, предложенная уже упоминавшимся Л.И. Лавровым¹⁰. Она более других, в том числе и самой новейшей, созданной А.Д. Резепкиным, отвечает характеру западно-кавказских дольменных сооружений. Эта типология проста и практика описания большого числа памятников показала ее действенность. В ней нет курьёзов, которыми пестрит типология А.Д. Резепкина, стремившегося подогнать древние постройки Кавказа к не совсем ясным канонам памятников Западной Европы. Так, совершенно непонятно его деление сооружений плиточного типа на прямоугольные гробницы и на собственно дольмены. В его типологии разница между первыми и вторыми в том, что первые имеют прямоугольные очертания плана и сложены из плит прямоугольной формы (примером могут служить Новосвободненские постройки), а вторые имеют трапециевидный план и собраны из плит таких же очертаний. Это мнение он считает вполне «доказанным»¹¹, не очень-то задумываясь, что здесь имеет место простая строительная эволюция сооружений от малоустойчивых (прямоугольных) к более устойчивым (трапециевидным). Последние стоят как люди, широко расставившие ноги. К тому же памятники ст. Новосвободной А.Д. Резепкин возводит к европейским, растянутым в длину постройкам «коридорного (галерейного)» вида¹². Какая уж тут типология!

Однако, если типология имеет существенное значение для наиболее ёмкого, полноценного описания археологических объектов и изучения строительной техники, то хронологические членения памятников это уже вопрос не вспомогательный. В зависимости от положения той или иной группы памятников на шкале времени, могут быть сделаны важные исторические выводы, заполнены целые вехи в историко-культурных построениях и, наоборот, могут возникнуть перекосы и неувязки в восстанавливаемых ситуационных картинах далёкого прошлого. Это в полной мере касается и интерпретации дольменных сооружений.

Хронологии дольменов Западного Кавказа значительное внимание уделяли многие ученые – А.В. Шмидт, А.А. Миллер, А.М. Тальгрэн, Б.А. Куфтин, Л.Н. Соловьев, А.А. Иессен, О.М. Джапаридзе, А.А. Формозов, Т.Б. Попова и др. Мнение их в основном можно свести к тому, что местные дольмены относятся к эпохе бронзы, а вот разногласия начинались тогда, когда речь заходила о более конкретных датах их бытования.

Не вдаваясь здесь в конкретные датировки, о них придется еще говорить в заключительных разделах работы, замечу, что определение времени возведения отдельных типов дольменов весьма важно. Научная работа в данной области позволит синхронизировать исторические процессы, происходившие в западной части Кавказа, в том числе время создания отдельных дольменных групп со всеми их разновидностями, с теми историческими перипетиями, которые имели место в других частях обширного кавказского региона и даже в более отдаленных странах. Хронологический аспект в изучении дольменов – это одна из ведущих проблем в их осмыслении.

Вторая проблема связана с происхождением местных мегалитов. Мнений много. Так, Ш.Д. Инал-Ипа и И.И. Цвинария считают, что дольменные памятники Западного Кавказа являются чисто местным явлением, уходящим своими корнями в толщу веков, вплоть до эпохи камня¹³. Данную точку зрения приходится считать мало обоснованной. На территории Причерноморья, включая Абхазию и Прикубанья, пока не найдены такие памятники, которые могли бы служить прототипами дольменов, т.е. быть сложенными из обработанного камня, иметь пазы, подтёски, следы шлифовок и т.д. Памятники типа Квацхелеби в Грузии, на которые ссылается И.И. Цвинария¹⁴, никакого отношения к дольменам не имеют. Здесь, на территории поселения, датируемого по С¹⁴ 2810±90 лет до н.э., обнаружено пять погребений. Одно из них, находившееся среди захоронений в ямах, оказалось обложенным камнями и имело небольшой надмогильный холмик. Поселение и погребения относятся к поздней фазе куро-аракской культуры¹⁵. Ничего конструктивно близкого дольменам здесь найдено не было.

Последнее время стали часто писать о гробнице Псыбе (Псыбэ), обнаруженной у пос. Новомихайловского близ г. Туапсе, как о своеобразном прототипе дольменов¹⁶. Я подобное мнение не разделяю. Это был каменный ящик грубой кладки. Судя по инвентарю¹⁷, который приписывается ему, захоронение в нем могло быть совершено в тот период, когда уже появились первые дольменные памятники¹⁸. Как видно, местная дольменная культура не имеет генетических корней среди древностей Прикубанья и Причерноморья.

Имеется целый ряд мнений весьма далеких от автохтонизма. Такова теория Л.Н. Соловьева и Я.А. Федорова о малоазийском происхождении западнокавказских дольменов¹⁹. Но их версия конкретным археологическим материалом пока не подтверждается.

Интересно предположение Л.И. Лаврова. Появление дольменов на западном Кавказе он связывает «с развитием торгового и военного мореплавания у приморских народов в неолите и эпоху бронзы», когда «кавказские мастера» могли видеть дольмены, характерные для многих народов, живших в прибрежных регионах, и затем воздвигать и у себя на родине – на Кавказе²⁰. Л.И. Лавров не уточняет какая же страна послужила первоосновой для возникновения кавказских дольменов. Он высказался лишь в общих чертах.

Близкое мнение принадлежит А.А. Формозову. Он вполне резонно утверждает, что «идея дольмена» в разных странах могла иметь общее

происхождение. Здесь важную роль играли «морские сношения», которые и повлияли на «распространение этих своеобразных усыпальниц»²¹. Затем «постепенно идея дольмена распространилась с побережья в горы и перевалила через Кавказский хребет»²².

Взгляды Л.И. Лаврова и А.А. Формозова в какой-то мере основываются на позициях Б.А. Куфтина, который готов был искать «культурно производственные группы» первых строителей дольменов и по Средиземноморью и на Деканах (территории Индии)²³.

К сожалению, далеко не полное сравнение дольменов Кавказа с дольменами мира позволило предложить еще одну гипотезу – о возможности частичной миграции средиземноморских строителей дольменов на территорию Западного Кавказа. Вероятнее всего, это могло происходить со стороны Пиренейского полуострова²⁴. Предлагая данную версию, я исходил из относительного сходства памятников обоих регионов и физико-географических (гидрологических) особенностей их расположения в зоне морского побережья. Это, прежде всего. Второй посылкой для выдвижения данной гипотезы явилась вполне объективная истина: «Идея дольмена» без перемещения самих людей появиться на Кавказе не могла.

Следует отметить и еще одну гипотезу. Её условно можно назвать «центрально-европейской». Речь идет о мнении Н.А. Николаевой и В.А. Сафронова, по которому кавказские мегалиты («гробницы» ст. Новосвободной и серии других дольменных памятников) возникли под непосредственным влиянием носителей европейских культур шаровидных амфор и шнуровой керамики²⁵. К упомянутым культурам можно добавить еще одну европейскую культуру, так называемых воронковидных кубков. С её материалами А.Д. Резепкин сопоставляет раскопанные им у ст. Новосвободной дольмены «новосвободненского типа»²⁶. Однако археологический материал, характерный для всех названных культур ничего общего не имеет с находками, происходящими из местных дольменов²⁷. Вероятно, поэтому у Н.А. Николаевой появилась еще одна гипотеза происхождения дольменов Западного Кавказа. Её можно назвать «синкретической». В этой версии сохраняются всё те же культуры шаровидных амфор и шнуровой керамики, но к ним «добавляется» куро-аракская культура, характерная для Закавказья и прикаспийской части Северного Кавказа. Из рассматриваемого текста удастся понять, что древнейшие новосвободненские дольмены были построены непосредственными носителями культуры шаровидных амфор, которые пришли на Кавказ «сухопутным путем», а затем «благодаря контактам с куро-аракской культурой, и через её посредство с Ближним Востоком, а также морским походам в Средиземноморье они обогатили технику строительства средиземноморской традицией, после чего оформилось восточное крыло мегалитической архитектуры Европы на Северо-Западном Кавказе»²⁸. В этой компиляции нашли отражение высказывания не только самой Н.А. Николаевой и В.А. Сафронова, но и Р.М. Мунчаева о связях куро-аракской культуры с Востоком²⁹ и мои проработки о близости кавказских дольменов средиземноморским постройкам.

Имеются и другие высказывания, прежде всего А.Д. Резепкина, но они большей частью несамостоятельны. Уже из приведенного обзора ясно, что проблема происхождения западнокавказских мегалитов не исчерпана и она все еще требует детального изучения.

И, наконец, третья, не менее важная проблема. Её можно назвать этногенетической. Суть её сводится к решению очень сложной задачи с таким исходным вопросом – какое же население могло оставить западнокавказские дольменные сооружения?

Попытки решить его на основе письменного источника, так называемой майкопской плиты, не принесли положительных результатов. Дело в том, что в 1960 г. близ Майкопа была найдена каменная плита со знаками письменности. Г.Ф. Турчанинов назвал её «колх (ид) ской», иначе говоря, – и колхской и колхидской. Предложенный перевод надписи оказался спорным³⁰ и вызвал целую полемику³¹. Дата плиты XIII–XII вв. до н.э. подтверждена специальными раскопками³². Это время настолько позднее, что связывать данную находку с дольменной культурой не приходится. В это время мегалитические гробницы уже не строили. И все же Майкопская плита дала широкий простор для полёта мыслей. Так, Я.А. Федорову она позволила думать, что дольмены оставлены протоабхазами, а язык, на котором они говорили, был абхазским³³.

Другой точки зрения придерживался уже упоминавшийся Л.Н. Соловьев. Связывая происхождение дольменов с Малой Азией, естественно, он считал, что «идею» их создания принесли кашки (протокашки). Их мирное «слияние» с местным населением дало «абхазско-адыгейско-черкесско-кабардинскую общность»³⁴. Эту теорию отстаивает последнее время Н.Г. Ловпаче. В своих этногенетических набросках он вообще против отдельного существования майкопской и дольменной культур. Н.Г. Ловпаче пишет: «... деление на Майкопскую и Дольменную культуры раннебронзового периода есть условность. Правильнее видеть в Майкопской культуре горно-атыхский компонент в виде мегалитической архитектуры»³⁵. Вместе с тем, если далее проследить движение мысли Н.Г. Ловпаче, то можно создать длинную цепочку, ведущую к адыгам, (адыхам) включая всё тех же «касков» (кашков)³⁶.

При несколько ином решении вопроса о происхождении дольменов, о чем уже говорилось, Л.И. Лавров также связывал культуру их строителей с «абхазо-адыгской лингвистической группой»³⁷. Подобного мнения придерживаюсь и я, хотя не отрицаю появление «идеи дольмена» на Западном Кавказе вместе с мигрантами-средиземноморцами³⁸. Сейчас, когда разбирается вопрос о возникновении дольменных памятников на Кавказе, то уже почти всегда вспоминают значение связей со Средиземноморьем (О.М. Джапаридзе, И.М. Чеченов и др.), но об этом еще раз будет сказано несколько позже.

И, наконец, остановимся на этническом облике носителей северно- и центрально-европейских культур шаровидных амфор, шнуровой керамики и воронковидных кубков, которые, по мнению Н.А. Николаевой, В.А. Сафронова, А.Д. Резепкина и др., сыграли ведущую роль в возникновении западно-кавказских дольменов. К сожалению, о носителях данных

культур ничего конкретного сказать нельзя. По старым представлениям (Г. Коссина, Р. Шухенвирт и др.), это были древние германцы, по более новым, – индогерманцы, индоевропейцы, индоиранцы, арии и т.д. Как бы их ни называть, к основному кавказскому населению они отношения не имеют. Если даже допустить, что они все же проникли на Кавказ в места предполагаемого их расселения, в том числе и на территорию дольменного ареала, то можно только удивляться, почему же археологи до сих пор не обнаружили вещевых материалов, характерных для их культур. Причина же только одна – соответствующие предметы на Кавказ никогда не были принесены.

Очевидно, данная теория принадлежит лицам, слабо владеющими общими знаниями в области археологии и этнографии Кавказа в любом из двух измерений – в глубь веков (в ретроспекции) и из их недр к недалекому прошлому (почти в перспективе). Думаю, что новые раскопки дольменов А.Д. Резепина в урочище «Клады» у ст. Новосвободной³⁹, при изучении их материалов под углом зрения общего кавказоведения, могут дать очень многое для понимания генетических корней дольменов на Западном Кавказе. Одна из таких попыток, предпринятая М.Б. Рысиным, оказалась только попыткой⁴⁰.

Таково положение с теми весьма важными историческими проблемами, которые порождены такими памятниками, как дольмены. Каждая новая находка, связанная с местными мегалитами, дает возможность еще раз подойти к разрешению указанных проблем. Таков и уникальный курган Псынако, обнаруженный близ г. Туапсе. Описанию и интерпретации его материалов посвящена дальнейшая часть настоящего небольшого издания.

Примечания

1. *Pallas P.S.* Bemerkungen auf Reise in die südlichen Staatshalterschaften des Russischen Reiches in den Jaren 1793 und 1794. Leipzig, 1803. Bd. II. S. 278, 279.

2. *Берже А. П.* Записка об археологии Кавказа // Труды II Археологического съезда. СПб., 1876. Т. 1. С. 8–9.

3. Более детально см.: *Марковин В.И.* Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997. С. 7–9.

4. *Миллер А.А.* Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // ИАК. СПб., 1909. Вып. 33. С. 34; *Стражев В.И.* К Азантскому дольмену // Известия АБНО. Сухуми, 1926. Вып. 4. С. 125–127.

5. *Уварова П.С.* Несколько дополнительных сведений по вопросу о кавказских дольменах // МАК. М., 1904. Т. 9. С. 175.

6. *Марковин В.И.* Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978. С. 54, рис. 20 (карта).

7. *Марковин В.И.* Дольмены... С. 19–53; *Ловпаче Н.Г.* Мегалитический музей в Усть-Сахрае // Газ. «Эхо-джерпэджэж». Майкоп, 1991. Ноябрь, № 12. С. 4, 5.

8. Это местонахождение было показано мне в 1967 г. П.У. Аутлевым. О местных дольменах см.: *Markovin V.I.* Dolmens du Pre-Kouban (Caucase Occidental) Bassin de la riviere Kizinka // Archeocivilisation. Paris, 1974. N. 11–13; *Марковин В.И.* Дольменные памятники ... С. 46–163.

9. *Фелицын Е.Д.* Западно-Кавказские дольмены // МАК. М., 1904. Т. 9. С. 18–25.
10. *Лавров Л.И.* Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды АБИЯЛИ. Сухуми, 1960. Т. 31. С. 102.
11. *Резепкин А.Д.* Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1983. С. 156–163.
12. *Резепкин А.Д.* Типология...; *Он же.* Курган 31 могильника Клады: проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л.: Наука, 1991. С. 188, 189.
13. *Инал-Ипа Ш.Д.* Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976. С. 96; *Цвинария И.И.* Новые памятники дольменной культуры Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1990. С. 61–65.
14. *Цвинария И.И.* Новые памятники... С. 62.
15. *Кушнарера К.Х., Чубинишвили Т.Н.* Древние культуры Южного Кавказа (V–III тыс. до н.э.). Л.: Наука, 1970. С. 74, 75, 181. Рис. 26,1–15; *Чубинишвили Т.Н.* К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси: Мецниереба, 1971. С. 92.
16. *Рысин М.Б.* Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла. СПб., 1997. С. 88; *Ловпаче Н.Г.* Этническая история Западной Черкесии. Майкоп, 1997. С. 35; *Джанхот И.Ю., Ловпаче Н.Г.* Новые дольменные памятники Западной Черкесии. Майкоп, 1999. С. 32.
17. *Тешев М.К.* Гробница Псыбе – памятник позднемайкопской культуры на Черноморском побережье // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986. С. 52–56. Рис. 1;2.
18. *Марковин В.И.* Дольмены Западного Кавказа: мистика, научные мнения и перспективы дальнейшего изучения // РА. 2000. № 4. С. 31. Рис. 2,1,2.
19. *Соловьев Л.Н.* Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы – стоянки Воронцовской пещеры // Труды АБИЯЛИ. Сухуми, 1958. Т. 29. С. 151 и сл.; *Федоров Я.А.* О дольменной культуре Западного Кавказа и её носителях (в порядке постановки вопроса) // Вестник МГУ (серия историческая). М., 1974. № 4. С. 76–78.
20. *Лавров Л.И.* Дольмены... С. 107.
21. *Формозов А.А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.: Наука, 1966. С. 81, 82.
22. *Формозов А. А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. Изд. 2-е. М.: Наука, 1980. С. 98.
23. *Куфтин Б.А.* Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949. Т. 1. С. 288, 289.
24. *Марковин В.И.* Дольмены... С. 290–319; *Он же.* Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 24–41.
25. *Николаева Н.А., Сафронов В.А.* Происхождение дольменов Северо-Западного Кавказа // Сообщение Научно-методического совета по охране памятников культуры. М., 1974. Вып. 7. С. 175–194.
26. *Резепкин А.Д.* К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станции Новосвободная // КСИА. М., 1987. Вып. 192. С. 28–30.
27. *Марковин В.И.* К вопросу о происхождении западнокавказских дольменов // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985. С. 14, 15; *Он же.* Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа (майкопская культура) / СА. 1990. № 4. С. 108–111.
28. *Николаева Н.А.* Выделение кубано-терской культуры ранне- и средне-бронзового века на Северном Кавказе // Проблемы археологии Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1980. С. 98–109.

29. *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. С. 149, 150.
Рис. 17.
30. *Турчанинов Г.Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л.: Наука, 1971. С. 3–34.
31. *Крупнов Е.И.* О загадочной майкопской надписи // ВИ. 1964. № 8; *Аутлев П.У.* К вопросу о возрасте Майкопской плиты // ВДИ. 1966. № 2; *Дьяконов И.М.* «Майкопские письмена» // Там же; *Лавров Л.И.* Письмо по поводу Майкопской плиты // СЭ. 1967. № 2;
32. *Аутлев П.У., Дитлер П.А., Трапи М.М.* Раскопки в районе гор. Майкопа в 1964 г. в связи с находкой Майкопской плиты // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР (тезисы). Баку, 1965. С. 101.
33. *Федоров Я.А.* О дольменной культуре... С. 82, 83, 88.
34. *Соловьев Л.Н.* Новый памятник... С. 163–165, 170, 171.
35. *Ловпаче Н.Г.* Этническая история... С. 40.
36. *Ловпаче Н.Г.* Этническая история... С. 46, 47 и др.
37. *Лавров Л.И.* Дольмены... С. 107.
38. *Марковин В.И.* К истории морских плаваний и миграций // Природа и человек. М., 1988. С. 96–101.
39. *Резепкин А.Д.* Курган 31 могильника Клады... С. 167–197.
40. *Рысин М.Б.* Культурная трансформация... С. 85–123.

Глава 3

Открытие кургана Псынако и первые шаги к его изучению

Курган Псынако был обнаружен летом 1972 г. сотрудником Туапсинского историко-краеведческого музея им. Н.Г. Полетаева *Мадином Камболетовичем Тешевым* (1935–1987). Это был краевед, если так можно сказать, старой формации, знавший древности не только Туапсинского района, но и обширного Причерноморья¹. Несколько ревниво относясь ко всем обнаруженным памятникам, М.К. Тешев, не предполагал, что их будет изучать кто-то помимо него, что, конечно, нисколько не умаляет его краеведческие заслуги.

Итак, интересующий нас курган к моменту обнаружения его М.К. Тешевым имел мало еще потревоженную каменную насыпь и лишь на вершине его зияла грабительская яма. Тогда М.К. Тешев назвал курган Псынакопсы². Продолжая свои работы уже в 1974 г., он обследовал местность, окружавшую курган. По-адыгейски она называется Псынэко – «долина родников». Изучение этой небольшой долины не дало особых результатов. Найденные М.К. Тешевым 122 кремневых, не очень выразительных обломка, вряд ли могли принадлежать неолитической стоянке³. Если несколько наклонная платформа, занятая сейчас яблоневым садом, и могла некогда служить местом стойбища, то многократные её перепашки и дождевые смывы давно сделали своё дело, – культурный слой здесь не сохранился и исчезли какие-либо признаки былого обитания древнего человека. Тогда же в лесистой части долины было найдено и второе всхолмление – еще один предполагаемый курган с каменной наброской. Возможно, это будущий курган Псынако II. Только через девять лет, в 1983 г. М.К. Тешев решил на стационарное изучение первого из обнаруженных курганов. Теперь он дал кургану название **Псынако I**. Под таким названием он стал упоминать в его отчетах и даже вошел в научную литературу. Толчком для проведения раскопочных работ послужил весьма печальный факт – насыпь стали разбирать на камень для строительных работ. В тот же год М.К. Тешеву удалось собрать сведения о первоначальном виде кургана. Оказалось, что его насыпь по всему периметру

была окольцована крупными валунами и от этой «крепиды» через каждые 10 м. радиусами отходили каменные «ребра» к вершине, где имелась площадка около 10 м. в диаметре. Реконструируя первоначальный вид кургана, М.К. Тешев создал чертеж с 18 такими ребрами (лучами) и площадкой в центре насыпи, края которой, как и ребра, были отмечены крупными валунами (до 1 м. в поперечнике)⁴.

В этот же сезон М.К. Тешев заложил на пространстве, занятом курганом, шесть небольших шурфов (не более 2x2 м. и 3x5 м.), расположив три из них в северном сегменте насыпи, один в центре – непосредственно на месте грабительской ямы и два небольших – к юго-западу от вершины кургана. Подобная методика (рис. 1, 1), конечно, не позволила ему изучить конструктивные особенности Псынако, но в грабительской яме был обнаружен дольмен, а в ближайших раскопах (шурфы 5 и 6) – части коридора-дромоса, который, как оказалось, вел к дольмену. В северной поле кургана был расчищен каменный ящик с камерой – 1,30x1,00 м. (таковы внешние размеры) и при высоте в 0,35 м. В этой могиле с внутренними размерами 0,95x0,74 м. была обнаружена костная труха и невыразительные керамические обломки. Так как на территории кургана еще в 1972 г. был обнаружен скифский железный кинжал – акинак с кольцевидным навершием, то, возможно, именно он принадлежал погребенному в данном ящике.

Курган Псынако оказался сложным архитектурным сооружением. Его изучение, даже если бы он не был потревожен выборками камня из насыпи, требовало определенного навыка в проведении раскопочных работ. Шурфами изучить его не было никакой возможности. А тут еще усложняли дело рытвины, образовавшиеся от деятельности мощных бульдозеров, перемешавших камень курганной насыпи. М.К. Тешев, с согласия Краснодарского управления культуры и Туапсинского музея, предложил мне включиться в исследование кургана. В 1984 г. Полевым комитетом Института археологии АН СССР я был командирован в Туапсинскую археологическую экспедицию для проведения раскопочных работ (на мое имя был выдан Открытый лист № 519) и научного консультирования её сотрудников*. Тогда нам удалось расчистить главную, центральную часть кургана и изучить его конструктивные особенности. Мне пришлось вести полевой дневник и все обмерно-чертежные работы, требующие определенного мастерства⁵. При огромной величине кургана и сложности его конструкции это было не так просто⁶. Уже после работы, в свободные часы я делал зарисовки всех найденных нами предметов и просматривал археологические коллекции, собранные М.К. Тешевым в предыдущее время. Иногда к нам на раскопки приезжал проф. Никита Владимирович Анфимов. Его живо интересовал ход наших работ. Некоторые первые впечатления, связанные с курганом Псынако, мне удалось отразить в книжке о дольменах, подготовляемой тогда к печати по совету Н.В. Анфимова и П.У. Аутлева⁷.

---

*В 1984 г. в экспедиции были заняты М.К. Тешев, В.И. Марковин, Н.Н. Тешева, В.И. Жижель и большая группа школьников. Нивелировка кургана производилась М.К. Тешевым и О.П. Куликовой.

После моего отъезда М.К. Тешев продолжал работы на кургане, пользуясь Открытым листом, специально выданным ему для этой цели.

Работами М.К. Тешева в 1985 г. были внесены некоторые незначительные уточнения в конструкцию кургана⁸. В 1986 г. он продолжал изучение Псынако, но, к сожалению, неожиданная смерть помешала ему написать отчет о проведенных полевых работах. Как рассказывал мне археолог Петр Алексеевич Дитлер – научный сотрудник Адыгейского НИИ (г. Майкоп), принимавший участие в работах Туапсинской экспедиции 1986г., тогда изучался северо-восточный сектор кургана. Эта была часть насыпи, поросшая кустарником и отдельными деревьями. Некоторые ее участки сохранили следы довольно аккуратной укладки речных камней. Под каменной наброской были обнаружены следы плитняка, которым, возможно, была уложена платформа кургана в этой его части. Однако, мне кажется, что это были остатки первичной обработки плитняка для дольмена, поставленного затем в центре кургана. Каких-либо уникальных находок в 1986 г. сделано не было. В этом же году руководитель Ленинградской станции юных туристов М.Н. Чернопицкий вёл на кургане палеоастрономические наблюдения*. Результаты их мне не известны. Курган Псынако оказался конструктивно настолько интересным памятником, что, несмотря на небольшой и крайне бедный археологический материал, полученный при его раскопках, он тут же стал привлекать к себе внимание. Ему посвящено довольно много печатных материалов: это и газетные статьи и выступление самого М.К. Тешева по телевидению в программе «Клуба кинопутешествий». Имеются также тезисы докладов, посвященных кургану, упоминания о нём в отдельных работах, специальная статья М.К. Тешева и некоторые мои тезисные заметки и статьи.

В первой из газетных заметок были даны суммарные итоги изучения кургана в 1984 г. Он характеризовался как культово-погребальное сооружение, в котором покоилось обожествляемое лицо. В этой статье высказывалось пожелание о необходимости сохранить курганные комплексы «на долгие годы»⁹. Несколько позже в «Неделе» (приложение к газете «Известия») в сжатом виде излагались данные об изучаемом кургане и приводилась дата 2340 ± 40 лет до н.э., полученная по C^{14} для угля, найденного в дромосе, подходившем к дольмену¹⁰. Затем очень краткая информация о работах на Псынако появилась в газете «Известия»¹¹. Эти заметки были своеобразной данью уникальности памятника и желанием привлечь к нему внимание широкой общественности, так как конструкции кургана требовали срочных консервационных работ.

В небольшой книжке «Испун – дома карликов», вышедшей в 1985 г., я уделил некоторое внимание раскопкам кургана Псынако и добытым нами материалам. В этом же издании мне удалось привести в качестве параллелей некоторые европейские памятники с близкими конструктивными деталями – толосом и дромосом¹². В том же году на Всесоюзной археологической конференции, проходившей в г. Баку, я познакомил

---

*Сведения получены от ныне покойных Н.В. Анфимова (1909–1998) и П.А. Дитлера (1917–1995).

кавказоведов с некоторыми итогами полевого изучения Псынако 1984 г.¹³. Во время доклада демонстрировались экспедиционные чертежи.

В 1986 г. в очередном сборнике «Археологических открытий» вышла небольшая информация об исследовании Псынако в 1984 году¹⁴. К сожалению, в ходе дальнейших исследований кургана М.К. Тешев ни разу не публиковал результаты своих работ в этом прекрасном и доступном для каждого полевого работника издании. Несколько позже в туапсинской газете появилось интересное интервью М.К. Тешева. Судя по его рассказу, теперь он был склонен рассматривать Псынако в качестве своеобразного комплекса, «посвященного самому языческому божееству – Солнцу», оценивая данный курган как «пирамиду» (храм) Солнца¹⁵.

Осенью того же года мне пришлось выступить с небольшим докладом о соотношении дольменных памятников Западного Кавказа с тем комплексом, который был открыт в Псынако. Доклад был заслушан на 2-м Международном симпозиуме «Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии», проходившем в городах Телави и Сигнахи (Грузия). В нем большое внимание было уделено истории открытия Псынако и более аргументировано, чем это делалось ранее, приведены параллели – близкие мегалитические памятники мира. Тогда же была сделана попытка уточнения прежней хронологической схемы, предложенной для датировки западнокавказских дольменных сооружений¹⁶.

9 августа 1987 г. М.К. Тешев выступил по телевидению в «Клубе кинопутешественников». Он говорил о Псынако как о памятнике, специально созданном в древности в качестве обсерватории. Жаловался, что его торопят с исследованием кургана (раскопки уже продолжались четыре года). Видимо, трудности в изучении этого памятника сыграли немалую роль в его преждевременной смерти.

Уже посмертно вышла статья М.К. Тешева, специально посвященная кургану Псынако. В ней приведены суммарные сведения о памятнике, приложены весьма схематичные и неточные чертежи и еще раз повторен тезис о том, что данный курганный комплекс мог служить для астрономических наблюдений¹⁷.

Смерть Мадина Камболетовича не остановила потока стремлений «углубить» изучение Псынако. Видимо, жажда «археологической славы» подобна эпидемии». Она не считается с элементарной научной этикой. Во всяком случае, Институту археологии никто не предлагал завершить работы по изучению кургана, хотя до меня доходили сведения, что его продолжают шурфовать, обмерять и всячески «изучать». Подобные действия продолжались до начала 90-х годов. Правда, я считал и оказался в своих предположениях прав, что работами 1984 года были вскрыты главные архитектурные объекты кургана и все работы на нем можно было завершить намного скорее. Исследования в последующие годы ничего принципиально нового для археологической науки не дали.

Продолжая свои разработки по изучению Псынако, мне удалось выделить керамические обломки, близкие посуде новосвободненского типа. Это уже имело отношение к изучению древностей майкопской культуры¹⁸. В связи с европейскими аналогиями конструкция в Псынако снова

появилась возможность задуматься над происхождением западно-кавказских дольменов¹⁹.

Однако мнение о связи кургана Псынако и мегалитов Западного Кавказа с миром Средиземноморья не исключило взглядов И.И. Цвинария об автохтонном – чисто местном происхождении дольменов. Даже, наоборот, сам факт существования такого памятника, как Псынако, на земле Кавказа, по его мнению, указывает на «более глубокие корни происхождения дольменной культуры» в местной среде²⁰. Такое утверждение, конечно, потребует более полной и конкретной аргументации.

Публикации М.К. Тешева²¹ и В.И. Марковина²², несомненно, привлекли внимание к данному памятнику. Псынако стал упоминаться в разных планах в работах М.Б. Рысина, Н.Г. Ловпаче и ряда других авторов, о чем еще будет сказано несколько позже. Однако сейчас, когда дольмены начинают завладевать умами мистиков в лице посещающих их «пилигримов», необходимо, пока еще не изобретено для Псынако какое-либо надмирно-высокое предназначение, дать еще раз детальное описание и остановиться на тех, весьма противоречивых мыслях, которые порождает он в среде специалистов – археологов и любителей древностей, т.е. на чисто научном осмыслении этого далеко не рядового памятника.

Примечания

1. *Пятигорский Э.* Путешествие к пращурам // Краевед Черноморья. Краснодар, 1997. С. 57–61.

2. *Тешев М.К.* Отчет археологических разведок в Туапсинском районе Краснодарского края 1972 г. // Архив ИА РАН, р.-I, № 5148. С. 73.

3. *Тешев М.К.* Отчет археологических разведок 1974 г. // Архив ИА РАН, р.-I, № 5534. С. 2–6.

4. *Тешев М.К.* Отчет об охранно-спасательных раскопках кургана Псынако I в 1983 г. в Туапсинском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН, р.-I, № 10105. С. 4–6. Рис. 4.

5. *Мерперт Н.Я.* Вместо предисловия // в книге В.И. Марковина «Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья». М., 1997. С. 4.

6. *Марковин В.И., Тешев М.К.* Отчет о раскопках кургана Псынако I в 1984 году // Архив ИА РАН, р. I, № 9550.

7. *Марковин В.И.* Испун – дома карликов (заметки о дольменах Западного Кавказа). Краснодар, 1985. С. 80–88.

8. *Тешев М.К.* Отчет. Раскопки мегалитического архитектурного комплекса Псынако I в 1985г. // Архив ИА РАН, р.-1, № 11097.

9. *Марковин В.И., Тешев М.К.* Курган и его тайна // Газ. «Советская Кубань». Краснодар, 1984. 11 сентября. № 209 (19121).

10. *Ермоленко А.* Крепость, дворец, мост... (экспедиции возвращаются) // Газ. «Неделя». 1984. 29 октября – 4 ноября. № 44.

11. *Дергачев А.* Находка археологов // Газ. «Известия». 1984. 14 ноября. № 319 (21030).

12. *Марковин В.И.* Испун – дома карликов... С. 80–88.

13. *Марковин В.И.* Курган Псынако I – уникальный памятник дольменной культуры в Причерноморье // Всесоюзная археологическая конференция

«Достижения советской археологии в XI пятилетке» (тезисы докладов). Баку, 1985. С. 232–234.

14. *Марковин В.И., Тешев М.К.* Раскопки кургана с дольменом близ Туапсе // АО 1984 года. М., 1986. С. 102–104.

15. *Тешев М.К.* Храм Солнца... или древняя обсерватория // Газ. «Ленинский путь». Туапсе, 1986. 15 февраля. № 27 (10967).

16. *Марковин В.И.* Курган Псынако I и дольменные памятники Западного Кавказа // 2-ой Международный симпозиум «Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии» (Телави-Сигнахи, 1986). Тбилиси: Мецниереба, 1991. С. 64–68. Табл. XII–XV.

17. *Тешев М.К.* Мегалитический архитектурный комплекс Псынако в Туапсинском районе // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988. С. 164–169 (рисунки на вкладном листе).

18. *Марковин В.И.* Курган Псынако I как источник для изучения спорных вопросов эпохи бронзы Западного Кавказа (культура дольменов) // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы (Международный симпозиум. Новороссийск. Тезисы). Л., 1991. С. 51, 52.

19. *Марковин В.И.* Курган Псынако I и проблема происхождения кавказских дольменов // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, 1992. С. 34–36.

20. *Цвинария И.И.* Новые памятники дольменной культуры Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1990. С. 64.

21. *Тешев М.К.* Мегалитический архитектурный комплекс... С. 164–169.

22. *Markovin V.I.* Der Kurgan Psynako I, Rayon Tuapse im Krasnodarer Land (Westkaukasus) // Zeitschrift für Archäologie. Berlin, 1993. Н. 27. S. 241–272; *Марковин В.И.* Древнейшая архитектура на территории Северного Кавказа // Архитектурное наследие. М., 1992. № 39. С. 93, 94. Рис. 10; *Он же.* Дольмены Западного Кавказа // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 242–243. Табл. 68; *Он же.* Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997. С. 312–339. Рис. 165–179.

Глава 4

Курган Псынако, его конструкции и археологический материал

Курган Псынако (Псынако I) находится на второй надпойменной террасе правого берега р. Псынако (Пшенахо, Псинеф), в 0,8 км. к северу от сел. Анастасиевка Туапсинского района, Краснодарского края.

Развал кургана занимает значительную площадь – 103x70 м. Насыпь его сильно разнесена бульдозерами и исполосована следами от их хода, наподобие «языков». Ими почти полностью уничтожены конструкции его каменной облицовки (рис. 1, 2). Полы его поросли лесом, у вершины высились дубы, здесь же находилась грабительская яма, которая также сильно исковеркала курган. Только в западной части, между навалами земли и камней, был обнаружен небольшой участок древней оконечности кургана (его протяженность 8,80 м.; рис. 2, 2), который позволил восстановить первоначальный диаметр курганной насыпи. Вторым таким участком, но немного потревоженным дорогой, явилась восточная часть кургана. Таким образом, насыпь кургана могла иметь в диаметре 57 м. Заметно одностороннее смещение каменной наброски в северной её оконечности (здесь радиус кургана равен 34,50 м.), что связано с естественным уклоном террасы, на которой возвышается Псынако.

Высота кургана устанавливается в пределах 4,70–4,80 м. относительно его подножия. Эта точка находится к востоку от центра на 6 м. (в центре понижение за счет грабительской ямы; рис. 3).

В непо потревоженном виде насыпь сохранилась лучше всего лишь в западной стороне. Здесь хорошо видны камни, плотно прилегающие друг к другу. Они покрыты мхом, но земляной прослойки между ними не видно. Кладка произведена из речного булыжника. Камни имеют разную форму – от плоских до округлых и разную величину – от 10x0,8x0,5 и 20x20x1 см. до 40x40x20 см. и 50x40x15 см., а иногда и более этого. Породы их различны – граниты коричнево-серых оттенков, кварциты, туфопесчаники и вулканические туфы. Некоторые из них прослоены жилами кварца.

Остановлюсь на конструктивных особенностях кургана Псынако, уделяя также необходимое внимание обнаруженному археологическому материалу.

Кромлехи. В северной половине кургана, близ его центра, непосредственно на материковой сланцевой глине, прослоенной мелкой галькой, прослеживались остатки двух круглых кладок – смыкающихся кромлехов. Они оказались сложенными из речных гольшей удлиненной формы. Западный кромлех, сохранившийся относительно хорошо, несколько вытянут (4,50x3,70 м.), другой – восточный – имел более округлую форму (его диаметр в пределах 3–4 м.). Кромлехи построены по одной линии и их камни, соприкасаясь, дополняют друг друга, что свидетельствует об одновременности сооружений (рис. 4).

Ширина кладки западного кромлеха достигает 1,20 м., внутреннее пространство, ограниченное камнями (они положены в один слой, но иногда перекрывают друг друга), занято ямой (I). Она вытянута не очень точно с северо-запада на юго-восток. Длина ямы – 2,20, ширина – до 1,60 м., глубина – не более 0,50–0,60 м. (величина ямы у дна уменьшается до 1,80x1,50 м.). Восточный кромлех окружал яму почти правильной круглой формы (2,40x2,20 м. при глубине 0,50 м. Обе ямы были заполнены плотной глинисто-земляной массой, помимо того, в верхней части западной ямы лежали куски песчанистого плитняка.

Ямы вырыты в плотном слое коричневой, лоснящейся глины (толщи – его до 0,40 м.), а донные их части находились уже в слое, обильно насыщенном песком, ниже которого шел галечниковый материк. Он является основой террасы, на которой был сооружен курган.

В ямах не было погребений. Возможно, это кенотафы, т.е. имитация могил в честь умерших где-то на стороне, или же это остатки чисто ритуальных сооружений. Исследование кромлехов сопровождалось некоторыми находками. Самые нижние из них обнаружены на дне ям и возле них на глубине 5–4,60 м. от вершины курганного останца. Здесь преобладают обломки посуды, сформованной из хорошо отмученной глины. Поверхность у них красная, иногда пачкающая. Помимо керамики, форма которой не устанавливается, в яме I собраны: часть утолщенного днища с красной поверхностью (д. его до 8–9 см*, рис. 5,1; место находки на плане – рис. 4 – указано за № 1); обломок крупного сосуда майкопского типа (на плане № 2) с четко выделенной шейкой (д. ее – 11–12 см., рис. 5,2); отщеп с ретушью по угловатому краю (№ 3), кремьень черный, 5x4,1x1,7 см. (рис. 5,7); обломок стенки сосуда (№ 4) с красной, пачкающей поверхностью (д.т. – 20–22 см.); обломок ручки небольшого сосуда в виде «ушка» (№ 5, рис. 5,3); концевой скребок на отщепе (№ 6, кремьень коричневый, 2,3x2,1x0,5 см., рис. 5,14); обломок заготовки вкладыша для серпа (№ 7, коричневый яшмовидный кремьень 3,7x2,1x1,1 см., рис. 5,19).

У юго-западного края этой же ямы найден обломок венчика с красной, слегка пачкающей поверхностью (№ 8, д.у. – 14 см., рис. 5,4). На нем заметна облицовка жидкой глиной.

В яме II обнаружены: обломок венчика небольшого черноглиняного сосуда (№ 9, д.у. – 6 см., рис. 5,5); часть утолщенного венчика крупного

---

*Для удобства приняты сокращения: диаметр – д.; устье – у.; тулово – т.; дно – д.; глубина находки – гл.

сосуда (№ 10, д. у. – 13–14 см., *рис. 5,8*). Наружная поверхность у него черная, внутренняя – оранжево-красная.

К юго-востоку от края ямы II найдены: венчик с утонченным краем (№ 11, д.у. – 11–12 см., *рис. 5, 6*). Обе поверхности у него красные, наружная в вертикальной штриховке, внутренняя – в горизонтальной, глина черная, плотная, с частицами лимонита – бурого железняка со слабым металлическим блеском. Отмечу еще оттогнутый венчик небольшого сосуда (№ 12, д.у. – 7 см., *рис. 5,9*) и приостренный венчик (№ 13, д.у. – 14–15 см., *рис. 5,10*), – оба с серо-коричневой поверхностью; наконечник стрелы с выемчатым основанием (№ 14, из желтоватого халцедона, 1,9x1,1x0,3 см., *рис. 5,23*).

Подмечено, что в ямах и возле них преобладали находки красноглиняной керамики, профили которой имеют округлые формы и венчики в виде «стоячих воротничков». Это довольно характерно для посуды майкопской культуры¹. По Р.М. Мунчаеву такая керамика без орнамента характеризует раннемайкопские памятники². Среди описанных образцов только два (№№ 10 и 11) представляются более поздними, относящимися уже ко времени строительства дольменов. Но об этом немного позже.

Коллекция находок из ритуального комплекса майкопского времени может быть дополнена небольшой серией предметов, обнаруженных М.К. Тешевым в 1983 г. (вероятно, из шурфа 4). Это обломки керамики с характерной охристо-желтой и красно-оранжевой поверхностью (*рис. 5,11–13*), кремневые скребок на отщепе (*рис. 5,39*), скол (*рис. 5,31*) и, предположительно, ретушер в виде четырехгранника (*рис. 5,32*). Но вернемся к работам 1984 года.

Несколько выше упомянутых находок была обнаружена новая серия материала. Эти предметы происходят из верхних частей ям, найдены над ними и на уровне камней кромлехов, на гл. 4,40–4,60 м. от вершины кургана. Это были: обломок стенки керамического сосуда с двойным рядом «жемчужин» – налепного декора в виде округлых выпуклин (без углублений с внутренней стороны; № 15, *рис. 5,15*); обломки днищ от двух сосудов разной величины (№ 16, 17, д.у. – до 7–8 и 17 см.). Далее следует отметить верхнюю часть чаши (д.у. – 9 см.), край которой украшен отдельными штрихами, а по обрезу проходит углубленная линия (№ 17, *рис. 5,20*); обломок стенки сосуда с угловатыми врезками (№ 18, *рис. 5,21*); изящно отогнутый венчик (№ 19, д.у. – до 13 см., *рис. 5,18*, и сильно утолщенный венчик с каннелированным-желобчатым краем (№ 20, *рис. 5,22*). Поверхности всех этих черепков красно-коричневые, глиняное тесто черное или серое, в нем заметна примесь известковых частиц и лимонита. Только один небольшой фрагмент венчика имел красную, пачкающую поверхность (№ 22, д.у. – не более 8–9 см., *рис. 5,25*).

В районе кромлехов и поблизости от них были также найдены желвак черного кремня со сколами (№ 23), наконечник стрелы с выемчатым основанием (№ 24, покрыт струйчатой ретушью, кремень коричнево-красный, 2,3x1,1x0,3 см., *рис. 5,40*); обломок сосуда с двумя «жемчужинами» (№ 25, поверхность у него красная, *рис. 5,26*) и обломок ножевидной пластины серого кремня (№ 26, её величина – 1,7x1,4x0,4 см., *рис. 5,30*).

Как показывают эти, смешанного облика материалы, святилище с кромлехами почиталось длительное время. Вполне возможно, что ко времени возведения главных конструкций кургана Псынако кромлехи еще продолжали играть некоторую роль в жизни местного населения. Их посещали отдельные, уже исчезавшие представители майкопских племен, бывали здесь и носители культуры дольменов (они оставили свои следы в виде керамики с характерным врезанным узором и венчиков с утолщениями). Только на гл. 4,30–4,40 м. от вершины кургана, т.е. в наслоениях, находившихся над кромлехами, собрана керамика уже чисто дольменного типа. Это обломки горшка, обе стороны которого покрыты частыми горизонтальными штрихами (толщина стенок 0,6 см., № 27); утолщенный венчик баночного сосуда с гладкой поверхностью (№ 28, *рис. 5,27*); округло-утолщенный венчик (№ 29, д.у. 17 см., *рис. 5,33*); стенка сосуда со следами «расчёсов» и орнаментом в виде горизонтального ряда овальных вмятин (внутренняя поверхность этого черепка в горизонтальной штриховке; № 30, *рис. 5,34*) обломки отогнутых венчиков, один из них с двойным утолщением у устья (№ 3 и № 32, д.у. – 10–13 см, *рис. 5,28* и 36; обе поверхности у них в горизонтальных штрихах); стенка крупного сосуда (толщ. до 0,7 см.) с внутренней поверхностью в грубых и глубоких штрихах (№ 33 *рис. 5,37*); венчики двух сосудов: утолщенный с каннелюрованной поверхностью описанного типа и второй – слегка отогнутый (№ 34, д. около 7–8 см., *рис. 5,29* и 35). Там же был найден отщеп черного кремня (№ 35, его величина – 5,8x4x0,8 см., *рис. 5,38*).

Упомянутая керамика, с темной и часто заштрихованной поверхностью, может свидетельствовать о смене культурных традиций в среде древних местных племен. Однако и в этот период местность с кромлехами всё еще продолжала почитаться и, очевидно, именно поэтому здесь было совершено захоронение важного лица и тем самым создана новая святыня – курган Псынако.

Строительная платформа. Непосредственно над восточным кромлехом (II), на гл. 4,10–4,30 м. от вершины кургана была обнаружена зольно-глинистая прослойка, образующая хорошо утрамбованную платформу. Она достигает в длину (с запада на восток) до 8 м., ширина ее до 5 м., толщина уплотненного слоя 10–15 см. В восточной части, у каменного завала, платформа выклинивается, а на западе, где заметны следы перекопов, обрывается. На ней обнаружены скопления золы, сильно измельченная каменная крошка, угольки и отдельные прожилки лимонита (они могут служить показателем древности платформы). Здесь же лежали истлевшие и обгоревшие кости животных, которые, к сожалению, определить не удалось. Керамика, найденная на поверхности платформы и в её толще, сильно измельчена. Она характерна для дольменных памятников. Можно думать, что на платформе, условно названной нами строительной, а в древности она была намного обширней, жили строители всех сооружений Псынако. Здесь они жгли костры и готовили пищу. Подобная стоянка была обнаружена Прикубанской экспедицией в 1968 г. близ дольменной группы у Богатырской дороги и у Солох-аула (бассейн р. Шахе)³.

На платформе, среди камней и золы, обнаружены отдельные археологические находки. Некоторые из них, особенно керамика, оказались втоптаннми в неё. Остановимся на описании некоторых образцов, которые нанесены на соответствующий план (*рис. 4*). Здесь была найдена серия венчиков с отогнутым приостренным краем (№№ 36 и 43, *рис. 6,1* и 9), с утолщенным краем (№ 39, *рис. 6,4*) и в виде горизонтальных каннелюр (№ 40, *рис. 6,7*). На их поверхности заметны следы сглаживания, д.у. от 5–6 см. до 16 см., глиняное тесто темного цвета. Необходимо отметить еще стенки сосуда со следами грубой лепки, внутренняя поверхность у него в полосах сглаживания, орнамент-угол в штриховке (№ 38, *рис. 5,3*); стенки сосуда со следами возможного лощения (№ 44) и устевую часть крупного баночного сосуда с утонченными краями (д.у. – до 10 см.). Снаружи она покрыта вертикальными штрихами, внутри-горизонтальными (№ 45, *рис. 6,5*).

Среди обломков керамики, включая днища (№ 37 и 42, д. 9 – 10 см., *рис. 6,2* и 8), выделяется обломок сосуда с петлевидной ручкой, стенки у него украшены «жемчужинами», а ручка углубленными линиями, вмятинами и косыми штрихами (№ 41, д.у. – 14 см., *рис. 5, 11*; поверхность фрагмента охристо-красная). Кремневый материал маловыразителен – отщепы (№ 47, 50–52, *рис. 6,14,24*), обломок ножевидной пластины (№ 48, серый кремнь, 1,6x1,6x0,3 см., *рис. 5,15*), обломок вкладыша для составного серпа с заполированными от работы зубчиками (№ 53, *рис. 5,30*). Здесь же сделана единственная находка из металла – бронзовая трубочка с кольцевыми насечками (№ 46, д. – 0,2 см., *рис. 5,6*).

В западной части раскопа, где продолжение площадки не прослеживалось, однако среди коричневатой и плотной глины встречались отдельные керамические находки (№ 54–58, *рис. 6,12, 13, 18, 20*) и ножевидная пластина из яшмовидного кремня (№ 59, её размеры – 2,2x 1,2x0,5 см., *рис. 6, 23*).

В этом же секторе кургана М.К. Тешев в 1983 г. нашел несколько характерных керамических образцов: венчиков разной формы, некоторые из них покрыты штриховкой (д.у. до 12 см., *рис. 6, 22, 25–34*), хорошо сформованное днище (д. до 10 см., *рис. 6, 19*), обломок петлевидной ручки, покрытый угловатыми наколами (*рис. 6,16*) и стенку сосуда с выпуклыми «жемчужинами» (*рис. 6,17*).

В основном описанная керамика имеет коричнево-черную и красную поверхность. В ее глине заметны частицы сланца, извести и лимонита. Преобладает керамика, характерная для дольменных памятников с утолщенными венчиками, покрытая штриховкой и декорированная врезками и наколами, хотя сохраняются еще традиции лепки сосудов с «жемчужинами» (обычно, такой декор приписывается посуде «новосвободненского облика»). Особенно показателен фрагмент с ручкой, на котором сочетаются врезанный узор с выпуклинами – «жемчужинами» (*рис. 6,11*). Как видно, оба способа декорировки посуды могли сосуществовать. В данном случае это иллюстрируется наглядным образом. В дальнейшем строители дольменов иногда имитировали выдавленные жемчужины налепными (*рис. 6,17*).

Дольмен. Центральную часть кургана Псынако занимало сооружение округлого плана типа толоса. Оно было прикрыто сверху мощной

глиняной «подушкой». Внутри толоса находился дольмен плиточного типа, к порталу которого подходил длинный коридор, названный нами дромосом. Несомненно, строительство главных конструкций кургана начато было с дольмена, ибо наведение перекрытия и другие манипуляции с большими тяжестями не могли бы производиться в тесном пространстве, ограниченном стенами толоса (рис. 7–9).

Небольшие зондажи по краям дольмена позволили установить, что он был поставлен не на материк, а на площадку из обломков камней, скрепленных черным глинисто-земляным раствором (возможно, в состав раствора входил уголь). По мнению М.К. Тешева, подобная основа подстилала все конструкции кургана⁴. В 1984 г. я этого не обнаружил.

Пол дольмена находился на глубине 4,65 м. от вершины кургана. Само сооружение ориентировано довольно точно с северо-востока на юго-запад, входом-лазом обращено в юго-западную сторону. В плане дольмен имеет неправильную трапециевидную форму (рис. 8; 10,2). Внешние размеры постройки: длина – 2,30 м., ширина в передней части – 1,83 м., в задней – 1,45 м.; высота в передней части, у лаза 1,25 м., высота у задней плиты – 0,90 м. Камера в плане повторяет наружную форму постройки. Она трапециевидна в продольном сечении и лишь в поперечных разрезах имеет прямоугольные очертания. Длина камеры у дна – 1,55 м., длина её по верху – 1,30 м., ширина в передней части в пределах 1,35–1,40 м., ширина у задней плиты – 1,12–1,10 м. Высота камеры у лаза – 1,15 м. и в задней части – 0,83 м.

Дольмен сложен из плит туфопесчаника. Обработаны они небрежно. Хорошо отшлифована лишь передняя плита и торцы боковых плит, выступающие у лаза (я их называю порталными выступами). Следы шлифовки несет и та сторона задней плиты, которая образует стену в камере. Остальные части грубо обколоты и не подшлифовывались (рис. 8).

Передняя плита дольмена имеет прямоугольную форму (ее размеры 1,42x1,17 м. при средней толщине камня в 0,23 м.). Верхний торцовый край у нее слегка скруглен, а боковины покрыты лёгкой огранкой. С внешней стороны плита выпуклая. В нижней ее части пробит лаз аркообразной формы (0,36x0,32 м.). Относительно осевой линии сооружения он расположен не очень симметрично. В передней части канал приподнят, а в сторону камеры опущен. Это позволяло втулке довольно плотно прикрывать вход в дольмен.

Передняя плита не очень точно входит в пазы боковых плит, а так как пазы выбиты наклонно (под углом), то она укреплена так, что она нависает над камерой. С наружной стороны передняя плита декорирована дугой, выбитой над лазом (рис. 8,3).

Юго-восточная боковая плита обладает трапециевидной формой. Передняя её часть аккуратно обработана и приострена, задняя закреплена. Длина плиты по низу 2,20 м., в верхней части – 1,95 м., высота у лаза – 1,23 м., в задней части – 0,80 м., наибольшая толщина 0,27 м. По верхнему краю в этой плите сделан уступ, за счет которого её передняя часть возвышается на 7 см. Пазы, предназначенные для приёма передней и задней плит, выбиты в ней весьма небрежно, особенно передний паз (рис. 8,5).

Северо-западная боковая плита аналогична предыдущей. В ней так же сделан уступ высотой в 8 см. Пазы для поперечных плит выбиты более умело. Длина данной плиты в нижней части – 2,20 м., длина по верх – 1,90 м., высота в передней части – 1,21 м., в задней части – 0,80 м. Толщина камня до 0,29 м. (рис. 8,6).

Задняя плита имеет подушкообразную форму. Верхний её торец сильно скошен. Длина плиты у пола – 1,20 м., вверху – 1,12 м., высота с юго-восточной, боковой стороны – 0,80 м., с противоположной – 0,87 м. (плита слабо трапециевидна), средняя толщина камня – 0,35 м. Стояла она почти строго вертикально (рис. 8,7).

В лазе передней плиты сохранилась втулка, которая была сделана из желтоватого песчаника. Сечение её повторяет форму отверстия, но из-за неоднократного вынимания стержень втулки несколько стёрся и уже свободно входил в лаз. Втулка снабжена овальной шляпкой, которая в свою очередь завершается конической выпуклостью в центре (рис. 8,8). Общая длина втулки – 0,60 м., длина одного стержня – 0,37 м., сечение его от 0,31x0,23 м. и до 0,35x0,27 м. Величина шляпки – 0,46x0,39 м., при высоте в 0,23 м. (вместе с коническим завершением). Втулки подобной «двойной фаллической формы» мне до сих пор не были известны⁵. Интересен факт: чтобы втулка не выпала из лаза, под ее шляпку были подложены два плоских камня.

Перекрытие дольмена сохранилось в нескольких фрагментах. Ясно, что оно было составным и его передняя часть возвышалась над задней. От передней покровной плиты имеются три обломка. Один из них сохраняет пазы, в которые входили верхнее ребро передней плиты и порталный выступ боковой плиты (толщина этого обломка – 0,26 м., рис. 9,3). Другой, более крупный фрагмент (1,55x1,45x0,28 м.) имеет более тонкие края и едва намеченный паз (он не доработан), а так же две резко очерченные угловатые выпуклости (рис. 9,1). Таковую же выпуклость, сохранившуюся в целом виде, можно видеть и на другом небольшом обломке перекрытия (рис. 9,4). Очевидно, и эти выпуклости и скошенность краев у передней покровной плиты обеспечивали надежность ее положения на дольмене.

Задняя плита перекрытия состоит из двух обломков (её размеры в целом виде – 1,98x0,90 – 0,84x0,25 м., рис. 9,2). С нижней стороны она имеет чётко оконтуренные пазы глубиной до 2–5 см., в которые должны были входить торцовые части задней и боковых плит. С внешней стороны у её хорошо отшлифованного края на 2 см. возвышается бордюр почти прямоугольной формы (ширина его 12–15 см.), на который мог опираться задний край предыдущей покровной плиты. Не совсем ясно назначение двух выпуклостей, небрежно высеченных на одном из описываемых обломков (их высота 3–6 см.).

Из-за фрагментарности плит перекрытия, к сожалению, не совсем понятен способ их крепления между собой. Одно несомненно, в древности они прочно смыкались, обеспечивая надежность покрытия дольмена.

Пол дольмена выложен шестью плитами разной величины (рис. 9,2). Поверхность у них довольно ровная, но без шлифовки. Передние плиты пола заодно служили пяточными (опорными) камнями для массивной

части дольменного фасада. Перед лазом плиты пола выступают, образуя порталную площадку шириной в 0,35 м. Толщина камней пола до 0,10 м.

Установлено, что плиты пола и задней части юго-восточной боковой плиты не соприкасались. Здесь образовался промежуток в 5 см. Из-за этого боковая плита могла упасть, но, чтобы этого не произошло, под нее были подложены два обломка песчаника и тем самым уравновешено её положение (рис. 8, 5).

Плиты дольмена, как видно, обрабатывались на месте. М.К. Тешев в «северном секторе» нашел обломок и целый кварцитовый тёрочник-курант (10,5x3,2 см.; рис. 11, 1, 2), которые могли служить для обработки дольменных плит. Примерно в этом же районе, как рассказывал П.А. Дитлер, в 1986 г. были обнаружены куски туфопесчаниковых плит. Видимо, здесь и шла подготовка к сооружению дольмена.

При расчистке дольменной постройки в 1983 г. находок почти не было. Обнаруженная керамика имела красно-коричневую поверхность. Один фрагмент сохранил подобие декора – вертикальные врезки, и он ничем не отличался от обычной дольменной посуды (рис. 11,5).

Дромос. Впритык к передней части дольмена подходит своеобразный коридор – дромос. Кладка его плотно подведена к порталным выступам и к передней плите постройки. Стыки между камнями кладки промазаны всё тем же черным, глинисто-земляным раствором, который был ранее обнаружен под дольменом.

Дромос как бы продолжает основную направленность дольмена. Он строго вытянут на 11,70 м. по той же линии – с северо-востока на юго-запад (рис. 1; 12; 13). Ширина его неодинакова, она вибрирует. У дольмена, в котором, пользуясь дромосом, вынимали втулку, он широк – 0,97 м. Далее, на расстоянии 2,25 м. к юго-западу, дромос сужается до 0,50 м., затем следует уступ с увеличением ширины коридора до 0,62 м. и уже за ним, на протяжении 3,30 м. имеется второе сужение доходящее до 0,35 – 0,45 м. Только у входной части, длина которой равна 2 м., дромос снова расширяется до 0,60 м. (рис. 13).

Для того чтобы сделать дромос в материковых слоях, была вырыта канава, при этом строители не следили за одинаковостью ее глубины и за строгой горизонтальностью ее линий. Они следовали за естественной вибрацией глиняных напластований. Кладка дромоса лучше всего сохранилась с его юго-восточной стороны и здесь хорошо видны все эти колебания (рис. 14)*. У входа в дольмен высота дромоса достигает 0,95 м. Далее имеет место как падение его дна вниз под углом в 5°, так и уменьшение его высоты до 0,80 м. В самых узких местах дромос имеет высоту в 0,50–0,60 м. и лишь у входа она увеличивается до 1 м.

Заметно несколько этапов в постройке дромоса. В придольменной части он сложен из хорошо обработанных кусков плитняка. Между

---

*Из-за неодинаковой сохранности стен дромоса мне пришлось чертить его юго-восточную сторону. Планы дромоса и его профиль на прилагаемых чертежах по чисто изобразительным моментам имеют противоположные направления, к этому привели полевые условия работы над ними. Однако чертежи были сделаны в одинаковых масштабах и при полной идентичности совпадающих деталей /плиты перекрытия и проч.

большими камнями видны более мелкие обломки, но камень всюду заложен так, что стены дромоса производят впечатление довольно ровных и вертикально выравненных по отвесу (рис. 14). На расстоянии 2,10 м. от дольмена заметны изменения в характере кладки за счет увеличения длины камней. Далее, через 2,20 м., снова чувствуется перерыв в кладке. Он ясно ощутим, так как здесь разрыв забит мелкими камнями. Далее стены дромоса были укреплены вертикально стоящими каменными брусками. К сожалению, один из сохранившихся брусков выпал из своего места и находился в наклонном положении (рис. 14). От предыдущего разрыва в кладке до последующего еще 2 м. Теперь в ней появляются включения окатанных речных камней, а еще далее – расслаивающиеся сланцевые глыбы. На этом участке уже заметна некоторая неряшливость в работе (рис. 14).

Дромос, как говорилось, был перекрыт 14 плоскими речными камнями твердых пород. Они имеют случайную форму, различна и их величина – от довольно большой (камень 5: 1,53x0,87x0,18 м.) и до незначительной (камень 12: 0,63x0,29x0,17 м.) (рис. 12; 15А).

Между камнями перекрытия имелись зазоры, которые, вероятно, были забиты мелкими галечками и щебнем. Они не сохранились, поскольку по этой части кургана проходила трасса бульдозера.

Вход в дромос находился в яме, вырытой в насыпи кургана (в древности она могла быть облицована плитами). Глубина ее, к сожалению, не восстанавливается, так как и этот участок был потревожен земляными работами 1983 г. В дромосе сохранился лишь уступ шириной до 0,50 м. который увеличивался до 1,15 м. На нем, как отмечал М.К. Тешев, лежали «трехъярусные, в два слоя плиты» общей толщиной до 0,60 м. Ими и еще какой-то не очень ясной по своему назначению вертикальной плитой закрывался вход, ведущий к дольмену⁶. Эта часть дромоса сильно углублена и в ней обнаружен слой угля толщиной до 0,20 м.

Возле входа в дольмен, в рыхлом заполнении дромоса были сделаны некоторые находки. Они следовали с глубины в 0,15 м. от верхнего края дромоса и уходили вглубь на 1 м. (от вершины кургана это 3,90–4,90 – 5 м.). Это был археологический материал (рис. 15Б, 1–10) из кремня (среди него выделяется сегмент раннего облика), терочник-куронт из твердого песчаника и образцы керамики. Один обломок округлой миски или чаши имел красную, пачкающую поверхность, характерную для майкопской культуры*.

Данный материал носит смешанный, случайный характер. В нем сочетаются явно дольменные находки с более ранними, даже мезолитического облика (сегмент), тут же имеется обломок майкопской керамики. Действительно, на глубине 4,75–5 м. (от края дромоса – 0,95–1,15 м.) и ниже здесь уже шел слой глины с мелкими включениями лимонита и плоскими галечными камнями. Он уходил под кладку дромоса. Несомненно, это тот же слой, что был отмечен для участка с кромлехами и ямами. Можно думать, что он является подстилающим и не имеет прямой

---

*Упомянутые предметы изображены на рис. 15Б, 4, 6 и 10. Более подробное описание находок из данного участка см.: В.И. Марковин. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья, С. 329, 330.

связи с сооружениями кургана. При строительстве дромоса, когда был затронут соответствующий древний слой, и произошло смешение археологического материала.

Толос. После того, как были сооружены описанные курганные конструкции, вокруг дольмена стали складывать ложнокупольную постройку – толос (это название дано условно, но оно хорошо определяет характер данной конструкции).

Толос имеет в плане форму почти правильного круга. С севера на юг его величина 6,35 м., с запада на восток – 6,60 м. (рис. 12). Лучше всего его кладка сохранилась в северо-западной части на участке длиной в 4,50 м. Именно здесь было прослежено основание кладки (рис. 10,1), которое уходило в канаву, специально вырытую в глинистых слоях и материке, подстилающих конструкции кургана. Ширина канавы 0,60 м., глубина 0,40 м. (от вершины кургана дно её находилось на гл. 5,40 м.; рис. 7,1). Она оказалась забутованной крупными кусками плитняка (серый песчаник), скрепленного глинистым раствором черного цвета. Это заполнение уходило и под кладку толоса.

Нижняя часть толоса сложена 8–14 рядами плитняка, промазанного всё тем же раствором. Камни кладки различны по форме и величине (от 30–40 см. и до 70 см. в длину при толщине в 10–20 см.). Уложены они ровными краями во внешнюю сторону постройки. Таким образом были наращены стены на высоту до 1,20–1,40 м., а выше стены толоса оказались сложенными из булыжных камней с закругленными, окатанными краями. Однако заметно и здесь стремление подобрать плосковатые камни (средняя величина их – 40x30x15 см., хотя встречались камни крупнее и мельче). Нужно отметить и тот факт, что раствором были промазаны не только камни кладки, но и покрыта наружная поверхность толоса. Особенно толстый слой раствора прослеживался у основания сооружения – до 0,45 м. (рис. 7, 1).

Толщина кладки различна: в нижней части и в его северной стороне – от 1,80 м. и до 2,50 м. – в южной стороне, а в среднем она равнялась 2 м. Кверху ее толщина несколько уменьшается, так как здесь стены постройки нависают, имитируя ложный свод. Максимальная высота кладки 3,25 м.

К сожалению, плохая сохранность толоса и то, что он был попорчен грабительской ямой и шурфом 1983 г.⁷, не позволили изучить конструктивные особенности его внутренней части, возможно, имевшей декор. Можно предполагать, что верхняя часть толоса завершалась плоским каменным или досчатым покрытием. Оно могло быть не просто переброшено, если «зев» толоса был велик, а уложено веерообразно, как это делалось народами Кавказа при перекрытии жилищ (дарбази, хацатун, карадам). Кстати, подобная система кладки даёт нечто напоминающее купол и хорошо известно в архитектуре многих стран Востока и острова Крит⁸.

При расчистке пространства между юго-восточным участком толоса и стеной дольмена были сделаны некоторые археологические находки (на гл. 4, 15–4,30 м. от вершины кургана): из кремня – заготовка вкладыша для серпа, ножевидная пластина и отщепы; керамические обломки, среди них – стенки сосудов с точечным и угловатым орнаментом (рис. 11, 5–16)⁹.

Этот весьма фрагментарный материал мог быть оставлен как строителями, возводившими толос, так и каменотёсами, работавшими над сборкой дольмена.

Следует обратить внимание на участок стыка кладки толоса с кладкой дромоса. Камни здесь положены очень аккуратно. Особенно хорошо заметна их перевязка над перекрытием дромоса. Здесь же был найден сильно отогнутый венчик сосуда (рис. 11,17), небольшая галька агата (могла быть принесена с берега Черного моря) и обломок кремневого скребка на отщепе (рис. 11,18).

Непосредственно с возведением толоса можно связывать небольшое количество археологического материала. Он был найден как с внешней, северной стороны толоса, так и в темном растворе, покрывавшем его наружную часть (рис. 4, №№ находок 60–73). Интересующие нас предметы обнаруживались с гл. 4,10 м. и до 4,40 м. от вершины кургана. Среди кремневых изделий следует отметить нуклеусы, ножевидную пластинку, концевой скребок, выемчатый наконечник стрелы и шаровидный отбойник. Керамических находок немного. Здесь следует отметить керамические обломки, в том числе с накольчатым и «жемчужным» орнаментом, а также некоторые абразивы – шлифовальные камни (рис. 11, 19–35).

Осмотр участков, примыкавших к толосу с его северной и северо-западной стороны и разрушенный бульдозерами, также дал дополнительный археологический материал. Это керамика, покрытая штрихами и расчесами и кремневые изделия – нуклеус, вкладыш для серпа, обломки ножевидных пластин (рис. 11, 30–38, 40–45, 47) Интересно удлиненное орудие, сделанное из гальки оранжеватого литографского сланца (7,6x1,7x1,3 см., сечение овальное, оба конца от работы заполировались, более широкая оконечность с углублением в центре, рис. 11,46)... Это орудие могло употребляться при изготовлении керамики в качестве лоцила.

Упомяну еще одну находку. У южной оконечности толоса на гл. 4,10–4,20 м. от вершины кургана был поднят выемчатый наконечник стрелы из желтоватого кремня (1,8x1,2x0,4 см., рис. 11,39).

Все археологические материалы, связанные с толосом, имеют смешанный характер. Они еще раз свидетельствуют о том, что толос был построен рядом с древним святилищем (к югу от толоса находок, за исключением наконечника стрелы, нет). В процессе возведения этой постройки затрагивались и еще более древние участки, возможно, связанные с мезолитом – неолитом (нуклеусы, сегмент, обломки ножевидных пластин и проч.), – отсюда и неоднородность материала. И всё же следует заметить, что в обиходе строителей кургана Псынако металл использовался крайне мало, кремень у них играл далеко немаловажную роль. Еще предстоит сравнить наши находки с кремневыми поделками майкопских бытовых комплексов. Это позволит выделить сходные формы, употреблявшиеся носителями дольменной и майкопской культур и те, орудия, которые характерны только для «майкопцев». Вполне возможно, что в их среде бытовали орудия неолитоидного и даже более древнего облика.

Глиняная «подушка». Говоря о конструкциях кургана Псынако, необходимо отметить наличие глиняной «подушки». Когда были созданы

все конструкции, связанные с дольменом и толосом с его кровлей, их забросали глиной и так, что в центре кургана образовалось своеобразное возвышение. Этой «подушкой» не был накрыт лишь небольшой участок дромоса со входом в него. Образовавшееся возвышение имеет неправильную овальную в плане форму, вытянутую с северо-запада на юго-восток до 19 м. в длину, при ширине до 15 м. Учитывая размеры толоса, высота «подушки» могла быть более 4 м. Изучение ее структуры дает целую свиту плотных глинистых напластований. Они лежат не аккуратными слоями, а навалом разных толщин, то резко отделяясь, то незаметно сливаясь. Таковы глины разных цветов от желтой и коричневой до серой с прослоями лимонита в виде тонких корок и гнезд. В их толще находок не было, если не считать нескольких окатанных обломков керамики.

Изучение глинистых отложений р. Пшенахо (Псынако, Псынэф), предпринятое М.К. Тешевым, позволило заключить, что для создания «подушки» над толосом и дольменом были использованы речные глины только лишь в ином соотношении слоев, – верхние слои речной глины оказались на дне «подушки» и т.д.

Роль «подушки» в системе конструкций кургана Псынако далеко не простая. Это не замена каменной наброски. Глиняный навал служил своеобразным упругим амортизатором, которым сдерживалось давление толщи насыпных камней на толос, не давая раздавить его.

Только после завершения переноса глины для «подушки» и устройства её, древние жители стали создавать каменную насыпь кургана, сохранив не засыпанным вход в дромос. Тогда же появилась крепида вокруг кургана и лучи, уходящие к центру кургана.

Среди речных камней, образующих курганную насыпь, были встречены обломки кварцитовых зернотёрок и ступок для дробления зерна. Последние были выбиты в кусках гранита (*рис. 11,3 и 4*).

Итак, рассмотрены основные конструктивные и архитектурные особенности кургана Псынако и упомянуты наиболее характерные археологические находки, связанные с ним. Эти данные дают основание для серьезных размышлений. Но прежде чем перейти к обобщению, хотелось бы мысленно представить облик кургана в древности. Увы, современное состояние Псынако мало дает оснований для подобных реконструкций. В 1984 г. он выглядел гигантской кучей камней, исполосованных ходами-врезами от движения бульдозеров. И всё же попробуем сделать подобную реконструкцию.

Только что созданный курган Псынако стоял на лесной поляне близ глинистых обнажений речки Пшенахо. Огромные валуны тёмных гранитов и кварцитов, исполосованные белоснежными жилами кварца, окружали его подножие. Этой крепидой отделялся мир повседневных забот человека от таинственной массы священного кургана. Возможно, специальные служители охраняли его покой, не допуская в обычные дни даже близко подходить к нагромождениям его камней.

Лучи, пересекавшие тело кургана (допустим их наличие в реальности), сходились у его плосковатой вершины, образуя подобие круглой площадки. Края площадки, как и лучи, были выложены из контрастных по

тону камней, придавая архитектурную завершенность сооружению. В торжественные дни здесь, на вершине Псынако, могли приносить жертвы высшим силам и лицу, погребенному в дольмене, – покровителям племени.

Если взглянуть на курган с соседних гор, то можно было бы увидеть как от круга, увенчивающего вершину, во все стороны разбегались лучи и лишь у подошвы кургана они упирались в камни крепиды. Это было стилизованное изображение Солнца (солярное изображение), различные вариации которого неплохо изучены в европейской археологии¹⁰.

Внутри кургана, под сенью толоса – своеобразного олицетворения небесной сферы, находился дольмен, из-за которого и был создан весь этот курганный комплекс. Несомненно, погребенный в нем человек обожествлялся, иначе к дольмену не вёл бы длинный коридор, не было бы над ним постройки в виде толоса и такого огромного количества камней, собранных со всех окрестностей. О том, что дольмен и захороненное в нем лицо многократно посещались, свидетельствует дольменная втулка вся истёртая в своей основной части, входившей в лаз.

В крепиде, неподалеку от входа в дромос, вероятно, имелся разрыв. Здесь в торжественные, поминальные дни проходили жрецы и служители кургана. Они поднимали плиты у входа в дромос, возжигали огонь, и начинались сложные культовые действия, о которых теперь можно гадать и не более того.

Конечно, исходя из конструкций Псынако, можно делать поэтические и чисто научные гипотезы как о назначении самого кургана, так и о культовых действиях, связанных с ним. Для нас же главное в данном случае историко-археологическое место этого памятника в системе дольменной культуры Кавказа и мегалитов Евразии. Конечно, мне еще придется коснуться возможного назначения кургана Псынако после сопоставления его с конструктивно близкими объектами разных стран.

Примечания

1. *Формозов А.А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965. Рис. 57, 58; С. 117–119; *Нечитайло А.Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наукова думка, 1978. Рис. 7–10. С. 23–26.

2. *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. С. 328, 351, 352; *Он же.* Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. Табл. 58. С. 214.

3. *Марковин В.И.* Дольмены Солох-аула // КСИА. 1972. Вып. 132. С. 78; *Он же.* Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997. Рис. 82, 198, 6–8. С. 179–181, 376, 378.

4. *Тешев М.К.* Мегалитический архитектурный комплекс Псынако в Туапсинском районе // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988. С. 165.

5. *М.К. Тешев* считал, что дольменной втулке придана форма «солярного знака», а тот к тому же символизирует «женскую грудь» см.: *М.К. Тешев.* Ук. соч. С. 165.

6. *Тешев М. К.* Отчет об охранно-спасательных раскопках кургана Псынако I в 1983 г. в Туапсинском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН, Р-1,

№ 10105. С. 19. В работе «Мегалитический архитектурный комплекс...» М.К. Тешев пишет об «отсутствии входа в дромос» (С. 165), т.е. перечит данным вышеуказанного собственного отчёта. Если это было так, то исчезла бы сама идея дромоса.

7. *Тешев М.К.* Ук. отчет. С. 9 и сл.

8. *Чубинашвили Т.Н.* Вопросы истории искусства. Тбилиси, «Хеловнеба». 1970. Т. 1. С. 15–25; *Ильина М.* Древнейшие типы жилищ Закавказья // Сообщения Института истории и теории архитектуры. М., 1946. Вып. 5. С. 6–29.

9. Детальное описание всех упоминаемых здесь и далее находок см.: *Марковин В.И.* Дольменные памятники... С. 330, 332–334.

10. *Schröckel W.* Westeuropäische Elemente im Neolithikum und in der frühen Bronzezeit Mitteldeutschlands. Leipzig, 1957. Т. 1. S. 114–125.

Глава 5

Место кургана Псынако среди дольменов Западного Кавказа и мегалитов Евразии

Прежде всего, необходимо остановиться на датировке конструкций Псынако. В нашем распоряжении имеются три даты, определенные по C^{14} для проб углей, взятых из разных частей кургана. Такова первая дата 2340 ± 40 лет до н.э., для которой уголь был взят на полу дромоса близ входа в него. Вторая дата – 1570 ± 110 лет до н.э. получена по углю, собранному под каменной наброской, лежавшей над глиняной «подушкой», прикрывавшей толос. Третья дата – 1380 ± 50 лет до н.э. получена по пробе угля из небольшого кострища, находившегося в 15 м. северо-восточнее центра кургана. Кострище находилось среди камней насыпи на глубине 3 м. Уголь для анализов был собран М.К. Тешевым в большом количестве образцов, но только три оказались пригодными для исследований. Первая дата получена Ленинградской лабораторией ЛО ИА АН СССР (ныне ИИМК РАН), две другие определены по моей просьбе и дружеском содействии Д.Я. Телегина в Институте геохимии и физики минералов Академии Наук Украины.

Если принять данные даты в том виде, в каком они получены лабораториями, – без калибровок, то можно сделать вывод о достаточно раннем времени использования дромоса для каких-то ритуальных действий, связанных с дольменом. Две другие, менее древние даты, возможно, свидетельствуют о последующих посещениях кургана.

Последнее время вопросами калибровок радиоуглеродных дат в основном для древностей Закавказья, в первую очередь Грузии, весьма успешно занимается Г.Л. Кавкарадзе¹. К сожалению, его разработки не касаются дат, собранных для дольменов. К тому же далеко не всеми археологами разделяется уверенность в большой надежности калиброванных дат (Н.Я. Мерперт, В.С. Титов и др.). В связи со сказанным, к данному вопросу попробуем подойти с чисто типолого-археологических позиций и с этой целью обратимся к дольмену кургана Псынако. Конструктивные особенности дольмена рассматриваемого памятника позволяют говорить

о нем как о далеко не примитивном варианте среди плиточных сооружений. Как известно, наиболее ранние западнокавказские дольменные гробницы не имеют лаза, а отдельные стены у них могут быть сложены насухо даже из булыжных камней. Такие дольмены, казалось, можно ориентировочно датировать временем около 2400 г. до н.э.². Теперь эта дата для данной категории памятников может быть несколько удревнена.

Более поздние дольмены, имеющие лаз и специальные порталные пристройки, сделаны очень примитивно. Как уже говорилось, у них нет опорных – пяточных камней, прямоугольные плиты их в собранном виде не обеспечивали прочной устойчивости. Мастера, строившие их, еще не задумывались над тем, каким же образом упрочить основания возводимых построек. Дольмен в кургане Псынако стоит как бы на грани перехода к наиболее массовым и конструктивно более совершенным дольменным сооружениям с плитами трапециевидного плана, т.е. имеющими большую площадь опоры, к тому же надежно поддерживаемых специальными подпяточниками и скрепленных с помощью подшлифованных пазов. Дольмен в кургане Псынако имел составное перекрытие из двух плит. Причём передняя плита нависала над фасадом постройки. Этим он также напоминает ранние дольменные сооружения с приставными порталными плитами, которые покрывались особым перекрытием. Оно, в свою очередь, с помощью особого вреза состыковывалось с покровной плитой, плотно пригнанной к камере дольмена (таковы сооружения на р. Псынэф, у Солох-аула, на р. Кизинке и в других местах)³. Это дает право дольмен кургана Псынако рассматривать как сооружение, сохраняющее черты порталных построек, но типологически и, очевидно, хронологически более поздних. Вот почему, учитывая эволюцию в западнокавказских дольменах, в самом предварительном плане я бы отнес дольменный комплекс Псынако к середине III тыс., до н.э. Этому не противоречат и наиболее древняя дата по C¹⁴, полученная для данного кургана, и собранный археологический материал.

Курган Псынако нельзя рассматривать как простое погребальное сооружение. Это, скорее всего, культово-погребальный комплекс. В нем мог быть захоронен человек, которого обожествляли. Ему поклонялись, приносили жертвы, для чего использовали дромос, при этом вынимали втулку из лаза дольмена. Может быть, иногда подхоранивали к «хозяину» дольмена угодных ему людей.

Не исключено, что первоначально дольмен с захороненным в нем человеком некоторое время стоял на месте более древнего святилища с кромлехами, не имея еще вокруг себя ни толоса, ни насыпи. Только затем место с дольменом было превращено в гигантский курган со всеми его архитектурными особенностями. О такой последовательности возникновения Псынако в какой-то степени свидетельствует археологический материал. У основания толоса найдены «неолитоидные» кремневые поделки, а на платформе, которую оставили строители дольмена, обнаружены отдельные образцы керамики новосвободненского облика. Уже после постройки толоса и создания дромоса, когда над ними появилась глиняная «подушка», стала возникать каменная курганная насыпь. Могло быть так,

что каждый приходивший на поклонение к захороненному в дольмене, оставлял здесь свой камень – своеобразный знак внимания к святыне (подобное в разных случаях жизни практикуется на Кавказе и сейчас). О том, что насыпь создавалась постепенно, в течение многих лет, а не сразу после похорон, по моему мнению, свидетельствуют вторая и третья радиоуглеродная даты, полученные из разных частей насыпи кургана. Это и привело к тому, что объемы кургана Псынако разрослись до гигантских размеров, скрыв под собой и святилище майкопского времени и следы временного становища дольменостроителей. Позже всего появились на кургане выложенные камнями лучи и площадка в его центре. Эти декоративные детали могли появиться на кургане уже после полного оформления его насыпи*.

Однако не следует думать, что каменная наброска Псынако возникла путём простого бросания камней («бери потяжелей и бросай подальше»). На небольшом участке кургана в непо потревоженном виде сохранилась древняя кладка в виде своеобразного панциря. Здесь камни аккуратнейшим образом подогнаны друг к другу, напоминая хорошо выложенную брусчатку старых мостовых. Далее, снимая насыпь в районе кромлеха в 1984 г., мы видели необычную для каменно-земляных курганов укладку булыжных камней. Подобное ранее мне не встречалось. Это была система клинчатой подгонки материала. М.К. Тешев описывает её так: «Булыжная кладка панциря не являлась бессистемной наброской крупных и средней величины камней, а представляет собой продуманную (организованную) укладку, где крупные камни расклиниваются камнями средних размеров, что обеспечивало свободное прохождение воды по пустотам и исключало развал всего огромного сооружения»⁴.

Что касается крепиды из крупных валунов, которой ограничивалось курганное поле, то она должна была появиться с того момента, как строители оградили пространство вокруг воздвигаемого дольменного сооружения. Затем в огражденном «дворе» с дольменом появились толос и дромос, и уже несколько позже – навалы камней. Крепида кургана Псынако, по сути дела, является круговым ограждением – своеобразным кромлехом, а такой окружностью, судя по данным кавказской этнографии, ограничивали неприкосновенное пространство. Через подобный круг не могли пройти злые силы⁵.

Итак, курган Псынако создавался не в один приём, его архитектурные детали появлялись постепенно. Простым арифметическим вычитанием дат, полученных для угля из дромоса и угля из каменной насыпи, можно понять, что данный комплекс оформлялся очень долго. Может ли это быть? Да, такое вполне возможно, тем более что речь идет в основном не о строительстве самого дольмена и связанных с ним сооружений, а создании курганной насыпи.

Человек, похороненный в курганном дольмене, несомненно, обожествлялся. Его могила стала своеобразным храмом, привлекавшим людей.

---

*Мне, к сожалению, не удалось обнаружить даже признаки упомянутых деталей. И рассказы людей о каменных лучах на кургане остаются у меня под вопросом.

Подобные сооружения могли почитаться веками: и в период интенсивного строительства дольменов и намного позже, когда от культуры дольменов сохранились лишь отголоски. Храмы по-своему вечны. Это верно для современных канонических религий, это было верно и для древности. Уже говорилось об относительно недавнем почитании дольменов адыгями (шапсугами) и абхазами (сообщения Л.И. Лаврова и Ш.Д. Инал-Ипа). И в таком трепетном почтении к памятникам счёт идёт уже не на столетия, а на тысячелетия!

Таким образом, рассмотрена возможная последовательность в создании кургана Псынако I. Нет сомнений в том, что этот культово-погребальный комплекс почитался из года в год, из века в век. Соглашаясь с этим мнением, М.К. Тешев внёс в него своё дополнение: Псынако – это «культово-погребальный комплекс с астрономическим значением», что «аргументируется выбором места строительства памятника азимутами направлений восхода и захода солнца (возможно, луны и звезд) в дни солнцестояний и равноденствий, поразительно совпадающими с отдельными пиками и вершинами гор и хребтов, окружающих долину Псынако»⁶. Здесь, видимо, автор исходил из современных ориентировок и не учёл фактор прецессии – естественного отклонения светил, которые произошли с эпохи бронзы⁷. Очевидно, стремясь доказать, что Псынако это древняя обсерватория, М.К. Тешев теперь стал писать не о 18–16 радиальных лучах, отходивших от крепиды к центру кургана, как об этом говорилось ранее в его отчетах, а о 12, которые могли бы соответствовать, по его же мнению, лунным месяцам. Вспоминает он и о «тройной сфере» в конструкции кургана (насыпь, глиняная «подушка» и толос), как отвечающей «трехэтажной структуре космоса»⁸.

Представления М.К. Тешева, видимо, возникли прежде всего под влиянием осмысления таких памятников как Стоунхендж и Нью-Грейндж в качестве астрономических объектов древности⁹. Если Стоунхендж (Англия) действительно представляется культовым сооружением, предназначенным для поклонения прежде всего Солнцу, то комплекс Нью-Грейндж (Ирландия) прежде всего является погребальным памятником. Это не отрицает Джон Эрвин Вуд, хотя и считает его объектом астрономии по которому «планировались» сельскохозяйственные работы. Что же служит у Дж. Вуда основанием для такого утверждения? Это наличие «слухового окна» (лучше назвать **световым проёмом**), ведущим в коридор – дромос и через него в погребальную камеру (в Нью-Грейндже дольмена или какого-либо сооружения, напоминающего каменную гробницу, не было). Во время солнцестояния лучи восходящего солнца падали через проём в коридор и озаряли заднюю стену камеры. Данное обстоятельство и явилось поводом считать конструкцию Нью-Грейнджа не только погребальным сооружением, но и «астрономическими часами». Всё это звучит очень наивно. Кстати, в археологическом «Словаре» У. Брея и Д. Трампа ничего о таких «часах» не говорится¹⁰. Вероятно, мнение Дж. Вуда они не разделяют.

Что же общего в «астрономических» реконструкциях и сопоставлениях Псынако и Нью-Грейнджа?

При схематической близости построек (рис. 16,7), «астрономических» совпадений крайне мало. По мнению М.К. Тешева, дромос в Псынако не имел входа¹¹, хотя это противоречит его же отчетам, значит, солнечный луч не мог в него попасть, не мог он осветить толос и дольмен, к тому же закрытый втулкой. Толос не имел собственных проёмов, да и все конструкции Псынако были завалены глиной и камнями, каким образом в подобных условиях могли развиваться действия астронома? Это представить крайне трудно.

Если учесть полевые наблюдения 1984 г., которые сводятся к тому, что дромос в Псынако имел вход (кстати, коридоры аналогичных сооружений всегда имели входы), то и тогда ничего астрономического с солнечным лучом не получится. В момент предполагаемых манипуляций луч не смог бы проникнуть в дромос из-за его углубленности в землю, даже каким-то образом достигнув дольмен при открытом лазе, он упёрся бы в его стены, так и не осветив толос. В Нью-Грейндже световой проём и дно толоса находятся на одной прямой, в этом данная постройка существенно отличается от Псынако. Резюмируя сказанное, приходим к выводу: Псынако прежде всего погребальный памятник, его связи с древней «астрономией» требуют еще очень больших проработок и целой суммы доказательств.

Однако я не думаю отрицать роли астрономических знаний при возведении погребальных построек, – она общеизвестна (ориентировка объектов, поклонение светилам и т.д.), но не думаю, чтобы скрытые под землей и камнями конструкции Псынако, как и самого Нью-Грейнджа, могли бы служить обсерваториями. Обилие дольменов на Западном Кавказе, правда, находящихся вне купольных сооружений, являются тому определенной гарантией. Это были весьма почитаемые могильные постройки, сопряженные со сложными ритуальными действиями. Таков, к примеру, дольмен в сел. Отхара (Абхазия), окруженный двумя кромлехами, причём внешний кромлех, имевший овальную форму, достигал в высоту 1,20м.¹². Однако сказанное не исключает, что возле дольменов и на вершине кургана Псынако могли выступать прорицатели, звездочёты, предтечи средневековых астрологов и кудесников разных рангов.

В итоге мы имеем два взгляда на архитектурные особенности кургана Псынако:

а) это памятник культово-погребальный с длительным использованием его для ритуальных действий. Такова моя точка зрения, к которой примыкают видные ученые Кавказа К.Н. Пицхелаури, О.М. Джапаридзе, И.М. Чеченов, Ю.Н. Воронов и др.;

б) это погребально-астрономический памятник, являвшийся своеобразной обсерваторией для проведения различных астрономических манипуляций и вычислений. Такова точка зрения М.К. Тешева. С нею, очевидно, солидарен Н.Г. Ловпаче. Он называет изучаемый курган «Храмом солнца Псынако». В ответ на возможный вопрос, а почему он так считает, следует ответ, что в этом сооружении «использовано максимальное количество мегалитических форм архитектуры: кромлеха, дольмена (испыгунна), менгира, толоса, дромоса, каменного ящика, солярного календаря»¹³. Доказательства не вполне убедительные, так как каменный ящик, судя по

керамике скифского времени, происходящей из него и железному акинаку, найденному неподалеку, вообще к дольменному Солнцу отношения не имеет, менгир в кургане отсутствовал, а наличие в облике Псынако или его декоре как такового «Солнечного календаря» еще требует доказательств.

Но нами не учтена еще одна, третья точка зрения, которая тоже интересна и имеет право на признание. Речь идет о разработках Марии Гимбутас, которая склонна видеть в сооружениях с толосами, прикрытым сверху камнем (омфалом) и ведущими к ним коридорами, нечто совсем не астрономическое. Подобные курганные конструкции рассматриваются ею не только как погребальные, но сугубо культовые сооружения, должны содействовать воспроизводству всего живого. По М. Гимбутас, улеvidный толос является не чем иным, как Чревом Матери Земли. Даже отдельные мегалитические гробницы, имеющие в плане огрубленные контуры человеческой фигуры, она рассматривает как своеобразные «копии» женского тела с подогнутыми ногами, ложе сна которой открыты. Таковы у нее ассоциации и с дольменными лазами¹⁴. Её мнение находит полное подтверждение в символике, приписываемой европейским памятникам – здесь дольмены – «женское чрево», а менгир – «мужская творческая сила»¹⁵.

На Кавказе пока не обнаружены могильные комплексы, напоминающие лежащих на спине людей, но они широко известны в Европе (яркий памятник Вест Кенкет у Малборо, сооружения в Атлантике, на острове Мальта и др.)¹⁶, хотя элементы культовой эротики заметны и в архитектуре скромных мегалитов Западного Кавказа. Вероятно, можно считать что «дольменная постройка, плотно закрытая пробкой, представляла собой вместилище умерших предков, которые магически способны были влиять на будущий достаток и плодородие»¹⁷.

М.Б. Рысин «мегалитический комплекс» Псынако оценивает в качестве «камеры – толоса коридорного типа», в которой был установлен дольмен¹⁸, но как бы ни рассматривать изучаемый памятник, он пока является единственным сооружением на Кавказе, который, с находящимся в нем дольменом, в полной мере связан с огромным дольменным массивом Западного Кавказа, ничем особенным не отличаясь от них. И всё же курган Псынако является пока единственным сооружением на Кавказе, обладающим толосом. В этом его уникальность. И данный факт заставляет задуматься над вопросом о его связи с архитектурно близкими памятниками Евразии.

Мегалитические сооружения, напоминающие дромосы, известны в Армении. Они сложены из крупных камней и в длину достигают 6–7 м. Непосредственно в них совершались захоронения. Толосы здесь не известны¹⁹. Захоронения в огромных залах прямоугольной формы с дромосами, ведущими к ним, обнаружены в так называемых Зуртакетских курганах (Грузия), относящихся к триалетской культуре. Здесь и речи не может быть о каких-либо дольменных сооружениях, нет и толосов²⁰.

Еще можно вспомнить памятники Украины. Таковы куполообразные могильные постройки без дольменов, возведенные на уровне древнего горизонта и обнаруженные среди курганных могильников усатовской культуры²¹. Конструктивно и они далеки от Псынако.

Наиболее перспективны поиски близких построек среди регионов изобилующих мегалитами. Ими, в первую очередь, могут являться Пиренейский полуостров и ближайшие острова. Среди местных памятников широко известны могилы в Лос-Мильярес (Los Millares, Испания), относящиеся к культуре Альмерии (даты по С¹⁴ – 2380±120 и 2295± 85 лет до н.э., но наиболее известное сооружение датируется 3200 г. до н.э.)²². Для них характерно сочетание толосов, имеющих ступенчатый свод, сложенный из прекрасно обработанных каменных брусьев и короткий притвор (рис. 16,1). Некоторые из местных гробниц имеют боковые камеры²³. Курган Псынако конструктивно более примитивен и похож на местные сооружения лишь в общих чертах.

Среди несколько более поздних гробниц, сочетающих длинные «крытые галереи» (Gallery graves, Galeries couvertes; Allees couvertes; Ganggraber), которые, по сути, являются дромосами и соединяются с купольными ложносводчатыми камерами²⁴, наибольшее сходство с Псынако обнаруживает сооружение в Алькаларе (Португалия). Его дромос был перекрыт плитами и засыпан насыпью. У него кладку толоса членили две глубокие ниши (рис. 16,3)²⁵. Близкого типа постройка обнаружена близ Малаги в Испании (Antequera), но здесь в толосе был устроен переход в дополнительную и небольшую толосообразную камеру (рис. 16,5)²⁶.

Говоря о сооружениях с толосами, нельзя пройти мимо критских, малоазийских и месопотамских построек. На Крите вход в толос «представляет собой низкую дверь, образованную монолитными опорами и тяжелой перекладной»²⁷. Сами толосы сложены плоскими камнями и в верхней части перекрыты плоской плитой²⁸. На материковой Греции, в Микенах близкие по типу «шахтовые гробницы» с дромосами скрыты под землей и окружены кромлехами²⁹. Хронология этих памятников пока еще четко не разработана, но датировать их можно, скорее всего III тыс. до н.э. Как считает Т.В. Блаватская, с XVI в. до н.э. такие «фолосы» (рис. 16,2) становятся царскими усыпальницами³⁰.

В Северной Месопотамии, в Арпачии, Тепе-Гавра и Ярым-Тепе также имеются постройки с толосами, к которым ведут дромосы. Эти памятники датируются халафским временем – около 4800 г. до н.э.³¹ Трудно сейчас сказать, да и для взятой темы не нужно, в каком из указанных регионов впервые появились толосы, каково отношение купольных гробниц Средиземноморья к близким по форме скальным могилам (гrotтам). Важно то, что в отличие от Псынако все перечисленные памятники не содержали в толосах сооружения, хотя бы отдаленно напоминавшие кавказские дольмены. В то же время на Пиренеях имеются примитивные дольмены, покрытые насыпями, к которым ведут дромосы (коридоры или каменные аллеи)³². Это позволяет предполагать возможность и здесь возникновения сооружений, в которых совмещаются толосы с дольменами.

За пределами Пиренеев, во Франции, можно встретить памятники изучаемого облика. Особенно интересна в этом отношении территория Бретани. Здесь известны «крытые галереи» (коридоры, аллеи), купольные постройки, сочетание галерей и дольменов, отдельно стоящие дольмены³³. Наиболее близка Псынако курганная конструкция в Барнене ан

Плуезо (Barnenez en Plouezoch), состоящая из толоса сухой кладки и длинного дромоса, перекрытого плитами. Вход в него был устроен в срезе насыпи. Конструкции этого кургана перекрывала наброска, обрамленная плитами из камня (рис. 16,6). Общая длина этого сооружения с насыпью около 35 м.³⁴ Датировать его можно концом III тыс. до н.э. Интересен еще один памятник, находящийся в департаменте Вандея и известный под названием Кузабазож ан-Паре (Gous a Bazoges en Pared). Он представляет собой искусно сложенный толос с ложнокупольным перекрытием, к которому ведёт неширокий дромос. Вход в него осуществлялся через проём, сделанный в высокой и широкой крепиде, проходящей по всему периметру сооружения. Пол дромоса и толоса находится на одном уровне и выложен плитняком. Интересна и еще одна особенность памятника: стены дромоса и нижней части толоса облицованы поставленными на ребро плитами камня, имеющими близкие размеры и форму³⁵. Более архаичные сооружения обнаружены в Бугоне³⁶. Упомянутые памятники могут относиться к первой половине и середине III тыс. до н.э., при этом предполагается, что такие сооружения «могли проникнуть» во Францию с запада или юга Пиренеев³⁷.

На территории Германии нет памятников, напоминающих Псынако, хотя известны галереи, перегороженные плитой с отверстием – лазом³⁸. Эта деталь несколько близка тому, что видим в Псынако-дромос вплотную подходит ко входу в дольмен в виде круглого отверстия в его передней плите.

На территории Ирландии, близ Дублина, находится уже упоминавшаяся постройка в Нью-Грейндж (рис. 16,7). Длинным дромосом (19 м.) и своим расположением под каменной насыпью она напоминает Псынако. Но Нью-Грейндж не имеет дольмена, а толос высотой около 6 м. разветвляется, имея могильные углубления. Сооружение датируется 2300 г. до н.э.³⁹. Оно сходно с многими другими памятниками данного типа и можно только удивляться поискам именно в нём нечто «астрономического».

Более отдаленным сходством с Псынако обладают еще два кургана. Один находится в Дании, другой в Швеции. Датский Ёрдхой представляет собой холм, окруженный крепидой, внутри которого под каменным панцирем находится толос сухой кладки (рис. 16,4). К нему ведет повышающийся дромос со входом, устроенным в разрыве крепиды⁴⁰. Эта деталь близка уже упоминавшемуся сооружению из департамента Вандея во Франции. В постройке Ёрдхой только общая схема конструкций напоминает Псынако.

Второе сооружение обнаружено в южной части Швеции (провинция Халланд). Это Эльдсберг – подкурганый комплекс, представляющий галерею, которая ведет в прямоугольную мегалитическую могилу. Она засыпана сверху земляной массой с камнями. Эльдсберг датируется началом II тыс. до н.э.⁴¹. Сходство с Псынако очень условно.

Для полноты обзора остановлюсь еще на мегалитах Болгарии, имея в виду районы исторической Фракии. Тут имеются памятники микенского облика, появление которых, однако, датируется между XII–VI вв. до н.э., хотя бытуют они даже в IV в. до н.э.⁴². В толосах этих аккуратных

построек нет дольменов и лишь общей композицией они слегка напоминают Псынако. Многие дольменные памятники Фракии, засыпанные камнями, снабжены коридорами, которые разделены на отдельные уменьшающиеся отсеки с помощью плит с лазами.

Конечно, среди упомянутых памятников нет полной аналогии конструкциям Псынако. Очевидно, и нельзя ждать такого соответствия. Здесь важны хронологическая близость и сходство в конструктивных деталях. Обзор показывает, что средиземноморские (пиренейские) памятники наиболее близки Псынако. Это сходство проявляется в устройстве толоса и дромоса, покрытия всего сооружения насыпью. Наверно, всё это не простое совпадение. Немаловажен и тот факт, что памятники Пиренеев являются более древними, чем курган Псынако. К тому же данный курган пока одинок среди мегалитов Кавказа, здесь он мог появиться только в результате неясных, но уже улавливаемых миграционных движений.

В связи с этим стоит вспомнить, что Г. Даниэль еще в 40-х годах считал возможным рассматривать Пиренейский полуостров в качестве исходного пункта для возникновения и распространения мегалитических построек Европы. Купольные сооружения типа толосов, по его мнению, в свою очередь проникли на Пиренеи с Крита. Уже на новом месте привнесенные мегалитические формы подверглись видоизменениям. Это диктовалось новыми бытовыми условиями и верованиями местных племен. Подобное явление Г. Даниэль называет «вторичным развитием мегалитов на месте»⁴³. Так, считаясь с местными культами в толосе кургана Псынако появился дольмен – основная погребальная мегалитическая постройка этого времени, встречающаяся почти по всему Западному Кавказу.

Пиренеи стали исходным пунктом для возникновения мегалитов упоминавшегося вида в Бретани, Ирландии, Дании и Швеции. Интересно, что все они расположены вдоль моря, что опять-таки наталкивает на создание морских миграционных версий⁴⁴. В этом отношении особенно показателен дольмен в сел. Отхара (Абхазия), раскопанный И.И. Цвинария. Он стоял на возвышении и был окружен двумя кромлехами⁴⁵. Подобные сооружения можно видеть близ Валенсийского залива на острове Менорка, где мегалиты окружены двойными «двориками», словно прячась от посторонних глаз⁴⁶.

Как видно, при изучении дольменов Кавказа нельзя отбрасывать связи со Средиземноморьем, как это произвольно делает тот же И.И. Цвинария, утверждая не только чисто местное происхождение достаточно рядовых дольменных памятников, но и таких сложных сооружений как Псынако⁴⁷.

Изучение древнейшей мегалитической архитектуры ряда стран, в том числе и Пиренеев, в сопоставлении с конструкциями кургана Псынако еще раз подтверждает моё давнее мнение о возможной связи дольменных памятников Западного Кавказа прежде всего с миром Средиземноморья⁴⁸. Сейчас, после многих лет попыток обратить внимание на это мнение, «лёд, кажется, тронулся», – очень авторитетно, без всяких «но» к этой же мысли и почти «самостоятельно» наконец-то пришёл М.Б. Рысин: кавказские дольмены – это памятники «восточносредиземноморской архитектурной традиции»⁴⁹.

Теперь, возвращаясь к вопросу о появлении дольменов на Кавказе, естественно думать, что речь может идти не о «миграции идеи дольмена», её не могло быть, а только о естественном перемещении группы людей. Причиной их, как и сухопутных передвижений, могли явиться в первую очередь экономические трудности, когда избыточное население вынуждено было искать новые места обитания. Миграции этой модели, по Н.Я. Мерперту, «носили характер **расселения**»⁵⁰.

Начало проникновения строителей дольменов на территорию Западного Кавказа, конечно же, не было целенаправленным стремлением проникнуть именно на Кавказ. Появление средиземноморцев на Западном Кавказе могло быть случайностью. Пользуясь морскими течениями, они могли попасть и в другие страны, находящиеся на пути их движения. Только последующие, повторные этапы миграций могли носить характер заранее обдуманых действий. Несомненны трудности, с которыми должны были сталкиваться мигранты. Пришлое население, а в данном случае это строители дольменов, должны были вступать в контакты с причерноморско-кубанским населением позднего этапа майкопской культуры – новосвободненского времени. Здесь опять-таки можно вспомнить курган Псынако, в котором была найдена керамика, сочетающая в себе «новосвободненские» черты в виде «жемчужин» с чисто дольменным декором – из углубленных углов и нарезок по краю устья (рис. 6,11). На поселении Мешоко (у пос. Каменноостского), которое А.А. Формозов относил к майкопским памятникам, была найдена керамика и с жемчужным декором и с нарезным орнаментом⁵¹. Это то сочетание, которое характерно и для керамики, собранной на платформе кургана Псынако (рис. 6). Возникает мысль – не может ли укрепленный поселок Мешоко являться памятником именно того периода, когда строители дольменов уже проникали на территорию Прикубанья? Думаю, что это мнение не лишено перспективы для изучения. В связи с этим интересно и замечание А.Д. Столяра, – он, описывая крепостные остатки Мешоко, вспоминает мастерство строителей дольменов и публикует к тому же типично дольменный инвентарь из впускных могил «верхнего горизонта поселения»⁵². Как видно, Мешоко – памятник более сложный, чем это казалось ранее.

В.С. Титов, рассматривая во время миграций взаимодействие племен пришедшей культуры с носителями аборигенной культуры, намечает три ситуационных случая: появление пришельцев на покинутых местах, когда их взаимодействие с местным населением равно нулю (1); когда новая культура долго существует не входя в контакт с местной (2); когда местная культура целиком поглощается пришедшей (3)⁵³. Вероятно, третий случай и будет в какой-то степени характерен для тех ситуаций, какие могли иметь место в Причерноморье и Прикубанье. Носители культуры дольменов смешались с местным населением и уже в таком облике частично вытеснили своих предшественников с их земель. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что керамика майкопского (новосвободненского) типа и сочетающая майкопские (новосвободненские) черты с дольменными

особенностями встречается лишь в наиболее ранних памятниках (курган Псынако, дольмен 75 на р. Кизинке и др.).

Однако вернемся к кургану Псынако.

Наиболее древними дольменными постройками Западного Кавказа можно считать сооружения, не имеющие лаза⁵⁴. Дольмен в кургане Псынако был построен в период, когда уже возвышались многие дольменные группы, тем более, что относится к памятникам развитого облика. Дольмен в Псынако строили мастера, которые пользовались посудой, сочетающей в своём декоре «жемчужины» и дольменный орнамент, но более развитого вида, чем обнаруженный на посуде из поселения Мешоко, нижнюю дату которого можно относить к концу IV – началу III тыс. до н.э.⁵⁵. Если вспомнить дату Псынако по C¹⁴, если верить ей и если учесть, что к этому времени дольмен был построен и дромос, ведущий к нему, уже функционировал, то время сооружения всех конструкций кургана можно будет относить к первой половине III тыс. до н.э. или ко времени близкому его середине.

Вполне резонно можно задать вопрос: почему я связываю культуру дольменов с абхазо-адыгским этносом⁵⁶, если сам же пишу о ее средиземноморском происхождении? Нет ли здесь противоречия?

Его нет. Схождение и расхождение отдельных племен в эпоху бронзы это вполне нормальное явление. Ни о каком глобально недвижимом единстве в жизни древних племен и речи быть не может. Нет такого уголка на Земле, где удалось бы проследить постепенное развитие человека вполне определенной национальности от состояния неандертальца до наших дней.

Население Кавказа во всех уголках, а сейчас нас интересует западная часть, за свою многотысячелетнюю историю испытало множество потрясений. Только с конца III – начала II тыс. до н.э. и позже, несмотря на осязаемое влияние скифской культуры, сарматское воздействие и даже греческое внедрение на территорию Западного Кавказа, можно говорить о местном населении как об общем монолите. И именно с момента становления культуры дольменов и, может быть, чуть позже начинают складываться абхазо-адыгские племена. Вероятно, не случайно совпадение карты этнографического расселения абхазо-адыгов с ареалом распространения дольменов⁵⁷. Не стану распространяться о языковом и культурном родстве абхазов и адыгов. Этот факт не вызывает особых возражений⁵⁸. Вместе с тем группировки дольменов отражают их деление на два ареала: северо-западный, его можно назвать адыгским, и юго-восточный, занятый сейчас абхазами. Обе группы заметно отличаются. В первой встречены дольмены всех типов, а во второй преобладают плиточные постройки и более всего прямоугольных очертаний в их деталях. Ш.Д. Инал-Ипа сделал попытку сопоставления некоторых особенностей погребального обряда, который зафиксирован в дольменах с этнографическими данными, характерными для абхазского быта. В определенной степени они совпадают⁵⁹. Е.П. Алексеева связывает происхождение абазин с населением, оставившим дольменные памятники по верховьям Кубани⁶⁰. Несомненно, подобные исследования должны быть продолжены.

К сожалению, сейчас не так много специалистов среди кавказоведов, которые бы стремились к подобным исследованиям, много сил уходит у них и на борьбу с псевдонаучными измышлениями⁶¹. А было интересно детальным образом сравнить дольменные памятники Средиземноморья (не только архитектуру, но и инвентарь) с соответствующими данными Кавказа. Обращу внимание в связи с этим на мир Пиренеев и ближайших островов.

На территории Пиренейского полуострова выделена особая баско-каталонская мегалитическая культура, которая прошла не один этап в своем развитии⁶². Данная культура связывается специалистами непосредственно с происхождением басков. Известно, что язык басков ничего общего не имеет с испанским языком, вместе с тем он обладает чертами родства с кавказскими (яфетическими) языками и еще барон П.К. Услар, обращая внимание на этот феномен, считал таинственным появление басков – народа, который «остается до сего дня **без рода, без племени**»⁶³. Академик Н.Я. Марр пытался наметить пути проникновения «этих яфетидов» – басков на территорию Кавказа. По его предположениям, они могли двигаться по островам Средиземного моря, а также далее через Малую Азию и по Северному побережью Черного моря⁶⁴. Намеченные пути в какой-то степени совпадают с распространением дольменных памятников.

Интересны наблюдения языковедов К. Бонда и В. Пизани. Они, подчеркивая родство баскского и кавказских языков, прослеживают цепочку родственных им языков, разбросанных от Испании и до Кавказа, доказывая их древнее происхождение⁶⁵. Можно отметить еще высказывания лингвиста Ю.В. Зыцаря. Он, сопоставляя речь басков с кавказскими языками, приходит к интересной гипотезе: «Вполне возможно также, что родственные предки басков и кавказцев, осев местами по берегам Средиземного моря на всем их протяжении еще до прихода хамито-семитских и индо-европейских племен, составили основной цвет в первоначальной этнической мозаике Средиземноморья»⁶⁶.

Не стану более задерживаться на вопросе о басках. Эта интересная тема для своего решения требует особых знаний, я ими не обладаю. Можно отослать читателя к книге Ш.В. Дзидзигури, специально посвященной данным вопросам. В ней можно найти большой список соответствующей литературы⁶⁷.

* * *

Вероятно, археологам, собирающимся исследовать новые дольменные группы, следует обратить внимание на курганообразные возвышения, одиночно стоящие среди дольменных полей. Они могут быть наиболее важными объектами, связанными с мегалитами. Описанный курган Псынако, конечно же, не единственный памятник подобного рода на Западном Кавказе, хотя и может остаться одним из самых масштабных среди них. Курганные холмы имеются среди огромных дольменных групп в бассейне р. Кизинки близ ст. Баговской, их видели на Дегуакской поляне

у ст. Даховской и в других местах. Памятники, эквивалентные Псынако, еще предстоит обнаружить и они, вероятно, будут найдены.

Последнее замечание. Уже давно учёные обратили внимание на то, что в зонах аномальных явлений, где заведомо искажены магнитные поля, можно ожидать всякой «чертовщины». Английский биолог и писатель Лайэлл Уотсон считает, что как раз в середине подобного «окна» построен знаменитый Стоунхендж в Англии. В средние века, как напоминает Л. Уотсон, «предписывалось возводить новые церкви на месте старых, ибо уходящая в глубь веков традиция священных мест связана в основном с аномальными явлениями, происшедшими здесь, возможно, тысячи лет назад»⁶⁸. Невольно возникает вопрос: не возведен ли и курган Псынако над «окном» подобной аномалии? Вот интересная задача для геофизиков. Если эта мысль окажется продуктивной, то можно будет ожидать новых уникальных открытий в зоне заранее отмеченных аномальных «окон». В связи с этим стоит напомнить, что В. Мегре в одном из своих «эссе» пишет о находке его последователями под дольменами особого радиационного фона, отличного от фона окружающего ландшафта⁶⁹. Возможно, этот факт и натолкнул данного автора на мистические «откровения». Но ученым стоит тут призадуматься.

Примечания

1. *Кавтарадзе Г.Л.* К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1983. С. 3–32, 130–142; *Он же.* Вопросы этнической истории Кавказа и Анатолии и проблемы хронологии и периодизации (VI–I тысячелетия до н.э.). Автореферат докт. дисс. в форме доклада. Тбилиси, 1992. С. 41–45.

2. *Марковин В.И.* Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978. С. 281, 282.

3. *Марковин В.И.* Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997. С. 55–58, 63, 65 и др.

4. *Тешев М.К.* Мегалитический архитектурный комплекс Псынако в Туапсинском районе // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988. С. 166.

5. *Мецианинов И.И.* Кромлехи // Известия ГАИМК. Л., 1930. Вып. 3. Т. 6. С. 26; *Бардавелидзе В.В.* Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957. С. 153.

6. *Тешев М.К.* Отчет. Раскопки мегалитического архитектурного комплекса Псынако I в 1985 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 11097. С. 21.

7. *Рей Г.* Звезды. М.: Мир, 1969. С. 26, 130–133.

8. *Тешев М.К.* Храм солнца... или древняя обсерватория // Газ. «Ленинский путь». Туапсе, 1986, 15 февраля.

9. *Хокинс Дж., Уайт Дж.* Разгадка тайн Стоунхенджа. М.: Мир, 1973; *Вуд Дж.* Солнце, луна и древние камни. М.: Мир, 1981. С. 106–109; *Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь. М.: Прогресс, 1990. С. 177, 178, 233, 234. Рис. 109; 149. Фото 86.

10. *Вуд Дж.* Солнце, луна... С. 106–108.

11. *Тешев М.К.* Мегалитический архитектурный комплекс... С. 165.

12. *Цвинария И.И.* Археологические раскопки в селе Отхара в 1975 году // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 9–13.

13. *Ловпаче Н.Г.* Этническая история Западной Черкесии. Майкоп, 1997. С. 40.
14. *Gimbutas Marija.* The Language of the Goddess. San Fransisco, 1989. P. 149–158. Fig. 231.
15. *Купер Дж.* Энциклопедия символов // Серия «Символы». М.: Золотой век, 1995. Кн. 4. С. 27, 203.
16. *Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь. С. 47, 48; *Монгайт А.Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М.: Наука, 1973. С. 306.; *Guilaine J.* La France d'avant la France. Hachette, 1980. P. 100, 101. Fig. 9.
17. *Марковин В.И.* Дольмены Западного Кавказа. С. 215.
18. *Рысин Б.М.* Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла. СПб., 1997. С. 88.
19. *Тораманян Т.* Материалы по истории армянской архитектуры. Т. I. Ереван, 1948 (на арм. яз.). С. 222, 229, 241.
20. *Джанапаридзе О.М.* Археологические раскопки в Триалети в 1959–1962 гг. // СА. 1964. № 2. С. 114–119. Рис. 14–18; *Он же.* Зуртакетские курганы // Сообщения АН Груз. ССР. Тбилиси, 1963 (на груз. яз. с русск. резюме). Т. 31. С. 247–255; *Он же.* Археология Грузии (каменный век и эпоха бронзы). Тбилиси, 1991 (на груз. яз., русск. и немецк. резюме). С. 288, 289. Табл. 34; 35; *Он же.* Триалетская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 81–88.
21. *Патокова Э.Ф.* Усатовское поселение и могильники. Киев: Наукова думка, 1979. С. 63.
22. *Долуханова П.М., Тимофеев В.И.* Абсолютная хронология неолита Европы (по данным радиоуглеродного метода) // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972. С. 64; *Champion T., Gamble C., Shennan St., Whittle A.* Prehistoric Europe. London, 1984. P. 187. Fig. 6.
23. *Монгайт А.Л.* Археология... Каменный век. С. 263, 311–313.
24. *Монгайт А.Л.* Ук. соч., С. 263; *Bosch-Gimpera P.* Pyrenäen Halbinsel // Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin, 1927–1928. В. 10. S 350–356; *Erw A.* Civilisation megalithique Portugaise et civilisations Espagnoles // L'Anthropologie. Т. 71. № 1–2. Paris, 1967. P. 15, 30, 33.
25. *Гёрнес М.* Культура доисторического прошлого. Бронзовый век. М.: Фарос, 1914. С. 85, 86. Рис. 40; *Wilke G.* Sudwest europäische Megalithkultur // Mannus-Bibliothek. Wuzburg, 1912. № 7. S. 10, 11. Abb. 3.
26. *Монгайт А.Л.* Указ. соч. С. 312, 313.
27. *Пендлбери Дж.* Археология Крита. М., 1950. С. 71, 72.
28. *Hawkes C.F.C.* The Prehistoric Foundations of Europe to the Mycenaean Age. London, 1940. P. 170. Fig. 16, a.
29. *Монгайт А.Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век. М.: Наука, 1974. С. 14, 15; *Desborough V.R.* The Greek Dark Ages. London, 1972. P. 267. Fig. 26.
30. *Блаватская Т.В.* Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М.: Наука, 1976. С. 21, 22, 172.
31. *Ллойд С.* Археология Месопотамии. М.: Наука, 1984. С. 84.
32. *Wilke G.* Op. cit. S. 18. Abb. 9; *Arnal J.* Petit Lexique du Megalithisme. Paris, 1956. P. 524. Fig. 2, 6.
33. *Rademacher E.* Frankreich // Reallexicon der Vorgeschichte. Berlin, 1926. В. IV. S. 26, 35; *Guilaine J.* La France d'avant la France (Du néolithique à l'âge du fer). Hachette, 1980. P. 70–142.

34. *Giot P.R.* Menhirs at Dolmens (Monuments mégalithiques de Bretagne). Chateaulin, 1984. P. 17, 18, des.
35. *Guilaine J.* La France d'avant la France. Hachette, 1980. P. 85. Das. 11.
36. *Mohen J.-P.* La construction des dolmens la nécropole Mégalithique de Bougon (Deux – Sèvres). Niort, 1982. P. 6. Des. 6, 1.
37. *Germond G.* Inventaire des Megalithes de la France (6. Deux – Sèvres). Paris, 1980. P. 236–238. См. также мою рецензию об этой книге: СА. 1984. № 1. С. 192.
38. *Schutz H.* The prehistory of Germanic Europe. New Haven and London, 1983. P. 107. Fig. 63; *Sprockhoff E.* Die nordische Magalithkultur // Handbuch der Urgeschichte Deutschlands. Berlin und Leipzig, 1938. В. 3. S. 27. Abb. 16.
39. *Вуд Дж.* Солнце, луна... С. 107, 109. Рис. 5, 1; *Daniel G.E.* The Megalith Builders of Western Europe. London, 1958. P. 106. Fig. 20.
40. *Kristiansen K.* The spirit and its burden: archaeology and symbolic activity // Marxist Perspectives in Archaeology. London, 1984. P. 82. Fig. 5.
41. *Montelius O.* Über die Benutzung steinzeitlicher Gräber während der Bronzezeit // Praehistorische Zeitschrift. Berlin, 1909. В. I. S. 84, 85; *Filip J.* Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Prag, 1966. В. I. S. 329; *Op. cit.* Prag, 1969. В. II. S. 1255.
42. Мегалитите в Тракия. Т. I (Тракийски паметници). Ред. И. Венедиков, А. Фол. София, 1976. С. 36–52, 122–124. Рис. 136, 137; *Пеев Д.* Някои нови проучвания на долмените в Югоисточна България // Археология. София, 1974. Кн. I. С. 29, 30.
43. *Daniel G.E.* The Dual Nature of the Megalithic colonisation of Prehistoric Europe // Proceedings of the Prehistoric Society. London, 1941. Т. 8. P. 7, 8, 41–45.
44. *Марковин В.И.* К истории морских плаваний и миграций // Природа и человек. М., 1988. С. 92–101.
45. *Цвинария И.И.* Археологические раскопки... С. 9.
46. *Martin-Mueller G.A.* Fahrt zu den Megalithbauten Menorcas // Zeitschrift für Ethnologie. Braunschweig, 1956. В. 81. Н. 2. S. 294–298; *Mayr Albert.* Balearen // Reallexicon der Vorgeschichte. Berlin, 1924. В. I. S. 322, 327.
47. *Цвинария И.И.* Новые памятники дольменной культуры Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1990. С. 62–68.
48. *Марковин В.И.* Дольмены Западного Кавказа (некоторые итоги изучения) // СА. 1973. № 1. С. 22; *Он же.* Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 41–45; *Он же.* Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978. С. 315–319; *Он же.* Испун – дома карликов (Заметки о дольменах Западного Кавказа). Краснодар, 1985. С. 104–108; *Он же.* Древнейшая архитектура на территории Северного Кавказа // Архитектурное наследство. М.: Architectura, 1992. № 39. С. 94; *Он же.* Дольмены Западного Кавказа // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 252, 253; *Он же.* Дольменные памятники... С. 395–397.
49. *Рысин М.Б.* Культурная трансформация... С. 116.
50. *Мерперт Н.Я.* Миграции в эпоху неолита и энеолита // СА. 1978. № 3. С. 10.
51. *Формозов А.А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965. С. 73, 78. Рис. 34, 5; 38, 1, 2.
52. *Столяр А.Д.* Мешоко – поселение майкопской культуры // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. Т. II. С. 79, 80, 97. Рис. 6.

53. *Титов В.С.* К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового света. М.: Наука, 1982. С. 99.
54. *Марковин В.И.* Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978. С. 281.
55. *Корневский С.Н., Наглер А.О.* Некоторые вопросы изучения энеолита Центрального Предкавказья и Моздокских степей // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе, 1987. С. 85.
56. *Марковин В.И.* Дольменная культура и вопросы... С. 48–52; *Он же.* Дольмены Западного Кавказа. С. 321–325.
57. *Дубровин Н.* Черкесы (адыге). Краснодар, 1927. Карта-вклейка; *Инал-Ипа Ш.Д.* Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми: Алашара, 1971. С. 28, 29.
58. Языки народов СССР. М., 1967. Т. 4. Статьи *Г.В. Рogaва, К.В. Ломтаидзе, М.А. Кумахова, А.К. Шагирова*, а также см.: *Шакрыл К.С.* Некоторые лексические и звуковые соответствия в абхазо-адыгских языках. Сухуми, 1968.
59. *Инал-Ипа Ш.Д.* Страницы... С. 33.
60. *Алексеева Е.П.* Происхождение абазин // Абазины. Черкесск, 1989. С. 13, 14.
61. *Кузнецов В.А., Чеченов И.М.* История и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). Изд. 1. Пятигорск, 1998; Изд. 2. Владикавказ, 2000; См. также: Современное состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа. Тезисы докладов научной конференции. Махачкала, 1997.
62. *Bosch-Gimpera P.* Pyrenanhalbinsel // *Reallexicon der Vorgeschichte.* Berlin, 1927–1928. В. 10. S. 349, 358, 366–369; *Filip J.* *Enzyklopadisches Handbuch.* Prag, 1966. В. 1. S. 94.
63. *Услар П.К.* Характеристические особенности кавказских языков // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. IV. С. 2.
64. *Март Н.Я.* Яфетический Кавказ и третий этнический элемент // Избранные работы. Л., 1933. Т. 1. С. 108–110.
65. *Пизани В.* Общее и европейское языкознание // В книге с таким же названием. М., 1956. С. 196; *Bonda Karl.* Baskisch und Kaukasisch // *Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft.* Berlin, 1948. Н. 3/4. S. 182, 191, 199–201.
66. *Зыцарь Ю.В.* О родстве баскского языка с кавказскими языками // Вопросы языкознания. 1955. № 5. С. 63.
67. *Дзидзигури Ш.В.* Баски и грузины. Тбилиси: Мерани, 1979.
68. *Уотсон Л.* Ошибка Ромео // Жизнь земная и последующая. М.: Политиздат, 1991. С. 332.
69. *Мегре В.* Звенящие кедры России // Серия «Звенящие кедры России». М., 1997. Кн. 2. С. 200.

Глава 6

Некоторые задачи в дальнейшем изучении дольменных памятников Кавказа (вместо заключения)

Говоря о проблемах, связанных с изучением дольменов Кавказа, даже в этих небольших очерках пришлось назвать десятки фамилий отечественных и иностранных ученых. Они в разные годы и на разных территориях старались в историческом плане сгармонировать множество фактов, полученных в результате исследования мегалитических сооружений. Только один курган Псынако породил целую серию трудно разрешимых вопросов, и в целом дольмены еще остаются весьма загадочными памятниками. Вот почему удивляешься, как уже отмечалось, когда под руки попадает труд Г.В. Костыря, для которого всё просто и ясно и в конструкциях кавказских дольменов и тем более в их изначальном предназначении – быть плавильными печами¹. И это без единого научного доказательства – анализов собранных остатков, руд, флюсов и проч. К тому же здесь имеет место полное игнорирование костного и вещевого материала, собранного на их дне за многие годы изучения этих памятников. Как видно, идея о плавке металла настолько велика в глазах автора, что всё остальное, связанное с дольменами, лишь мелочь, не достойная особого внимания. К тому же в предисловии уже заранее сказано, что труд Г.В. Костыря отвечает «всем требованиям современной археологии и исторической науки» (стр. 4). Увы, данная работа не отвечает даже элементарным требованиям этих наук и вот почему:

1. Автор пишет о неолите – новокаменном веке, избрав именно этот период для возникновения плавки металла в дольменах. Однако неолит – время, при котором люди металлы еще не знали. Не стану здесь ссылаться на источники, специалистам это общеизвестно. Только при энеолите возникают признаки использования металла, но на территории Кавказского Причерноморья в ареале, занятом дольменами, такие находки, относящиеся к IV тыс. до н.э., пока не известны². Только для II тыс. до н.э. в «дольменном регионе» появляются реально осязаемые предметы из металла³.

2. Если дольмены действительно не погребально-культовые, а плавильные горны, то они должны были иметь не одно отверстие, именуемое сейчас лазом (его размеры от 43х43 см. до 31х37 см.), которое, допустим, использовалось для загрузки руды, топлива и проч., но еще и мощные «продухи» для подачи воздуха, необходимого для процесса плавки. Кстати, из руд, содержащих медь, только малахит (отличный поделочный камень!) требует для выделения металла температуры не ниже 700–800° и при умеренной подачи воздуха. Увы, малахита на Кавказе нет, а обычный халькопирит (медный колчедан – CuFeS_2) начинает выделять медь уже при более высокой температуре – до 1100–1200° и ему нужно сильное восстановительное пламя⁴. Надо еще помнить, что «медного века» никогда на Северном Кавказе не было, здесь изделия из чистой меди не найдены. Археологически известны на Кавказе сплавы это в ранних комплексах – медноникелевые бронзы, позже – мышьяковистые бронзы, к эпохе железа – оловянистые. Значит, к рудам меди большей частью добавлялись рудные минералы присадок. И неужели от всего этого разнообразия материалов возле дольменов ничего не осталось, никаких следов? Это просто невероятно! Так, для античного времени известно, что отсутствие специальной воздуходувки «приводило к большим расходам руды и малому выходу металла. Поэтому гигантские шлаковые отвалы, оставшиеся от древних металлургов, в 19 в. были вновь переплавлены и дали довольно много металла»⁵. Странно, что Г.В. Костыря для доказательства своей правоты ничего подобного возле дольменов не обнаружил.

От древности плавильные печи не сохранились в целом виде, но известны примитивные литейные горны у целого ряда народов. Они хорошо описаны. Вот, как добывали металл африканцы, – мастера «складывают вместе руду и уголь, покрывают кучу слоем глины, проводят внутрь несколько трубок для вдувания воздуха, а сверху трубку для выхода горячих газов и раздувают затем огонь до плавильного жара мехами, состоящими из выдолбленных древесных стволов». Металл, в данном случае железо, «выпускается сбоку»⁶... Вот и считайте сколько отверстий помимо лаза понадобилось бы дольмену будь он горном.

Число пунктов с сомнениями, обращенными к версии Г.В. Костыри, можно было бы умножить. Это хотя бы рудная база для древних металлургов, которой нет в Прикубанье и Причерноморье, это неизбежная возможность дольменов, собранных из плит, содержащих CaCO_3 (известняки разных видов) от длительного нагрева растрескиваться, быстро рушиться и т.д. Но, вероятно, по этому вопросу и так много сказано.

Дольменные памятники Кавказа и без мнения Г.В. Костыри вызывают много пока еще не очень решенных вопросов. Все, кто занимался изучением майкопской и дольменной культур, ясно ощущают разницу между ними. Р.М. Мунчаев выделяет два основных этапа в становлении и развитии майкопской культуры – собственно «майкоп» и «новосвободненский» этап⁷. Сейчас стали даже писать о «майкопско-новосвободненской общности» (МНО)⁸. В этой общности самое загадочное место занимают памятники новосвободненского типа, хорошо известные только по дольменам («гробницам») ст. Новосвободной (раскопки Н.И. Веселовского и

А.Д. Резепкина), которые в моём представлении абсолютно ничем не противостоят всей массе дольменных сооружений⁹, хотя А.Д. Резепкин не находит между ними никакой прямой связи¹⁰. Внешне получается, что моё мнение совпадает с мнением Н.Г. Ловпаче о возможности рассматривать майкопскую культуру и дольменный массив как порождение одного племенного сообщества – единую культуру¹¹. Это не так. Глубоко уверен, что носители позднего этапа майкопской культуры (общности), называемым «новосвободненским» этапом, **сами дольменов (гробниц) не возводили**. Им удалось в какой-то период захватить земли в районе современной ст. Новосвободной (бывш. Царской) и, как утверждение своей силы («права сильного»), использовать уже имеющиеся здесь гробницы. Возможно, в дальнейшем, двигаясь к юго-востоку и перевалив за Хребет, уже на территории современной Кабардино-Балкарии, они поступили так же с гробницами, обнаруженными в г. Нальчике и сел. Кишпек. И если мнение И.М. Чеченова – исследователя этих далеко неординарных памятников, не звучит так резко, как мое мнение, но оно по своей сути близко ему¹². Вот здесь и можно поставить задачу более полного сравнения майкопских и дольменных материалов западной части Кавказа с археологическими фактами его центральной части.

Однако не всё так просто с памятниками новосвободненского типа. Они, судя по взглядам А.Н. Гея, далеко не единообразны. Он говорит о древностях «нижнемайкопских-новосвободненских» (даже об «общности» под таким названием), «майкопско-новосвободненских», просто «новосвободненских», «степной филиации НС (новосвободненской культуры), «степной новосвободненской культуры»¹³. Вполне возможно, что некоторые вариации я здесь пропустил*. В связи с получением таких «новосвободненских» итогов, крайне желательно, чтобы кто-нибудь из оперирующих таким многообразием «новосвободненских вариантов» (А.Н. Гей, А.Д. Резепкин, Б.М. Рысин и др.), высказался по ним в полном объеме, с привлечением обзора погребальных памятников (конструкции сооружений) и инвентаря. Это основательно сдвинуло бы «тележку» северокавказской археологии из того тупика, в который она зашла силами названных авторов и их последователей.

Курган Псынако дал интересные образцы керамики, сочетающие выдавленные выпуклые шишечки – «жемчужины» с типично дольменным узором в виде углов, штрихов и т.д. (рис. 6,11). Это очень интересно для изучения взаимосвязи племен позднего этапа майкопской культуры и начинающих обретать «зрелость» строителей дольменов. Было интересно на большом числе фактов просмотреть и изучить суть подобных контактов. Это тоже одна из задач в изучении дольменной культуры.

---

*Данные вариации у А.Н. Гея существуют параллельно с примитивной степной «новотитаровской культурой», оснащенной ритуальными повозками. Как я предполагал¹⁴, в последней работе А.Н. Гея носители новотитаровской культуры «перемахнули» через Главный Кавказский хребет и дали основу для возникновения блестящей триалетской культуры (см.: 13, с. 205–209), привнеся в Закавказье колёсный транспорт, керамическое мастерство, чеканку по металлу, ювелирное дело и т.д. Просто чудеса!

Если археологи возьмутся за раскопки крупных курганов на полях с дольменами, что может привести к открытию памятников типа Псынако, то хотелось бы, чтобы эти работы проводились на высоком методическом уровне – в основном в ручную и кольцевидными траншеями, при оставлении бровок и т.д. Этот классический метод, широко использовавшийся Е.И. Крупновым, К.Ф. Смирновым, Н.Я. Мерпертом и др., дает прекрасные результаты. Надо исключить любые шурфовки, не дающие никаких положительных результатов.

Хотелось бы, как это делается сейчас В.А. Трифоновым на дольменной группе Жанэ близ Геленджика, изучить взаимосвязь между дольменами, входящими в одну группировку. Это дало бы понятие об их культовой собранности, системе планировки построек и архитектурных элементах, которыми они связаны. И, конечно, всё это при строгой графической фиксации объектов, фотосъемках и зарисовках.

Дольмены очень перспективны для изучения их в сравнительном сопоставлении с памятниками всего мира, так и в этно-генетической перспективе. Хотелось бы, чтобы этим занимались не «авантюристы» от науки, а хорошо подготовленные специалисты. Дольмены требуют вдумчивой неспешной работы и хороших знаний в области полевой археологии, элементарной геологии, истории архитектуры и, конечно, общего кавказоведения. В их изучении не место залихватским, околонучным теориям и версиям. Дольмены, в полном смысле этого слова, требуют к себе уважения.

Примечания

1. *Костыря Г.В.* Дольмены Северного Кавказа – гипотезы и реальность. СПб., 2000.
2. *Мунчаев Р.М.* Памятники культуры энеолита Кавказа // Археология СССР. Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. С. 127, 128.
3. *Черных Е.Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966. С. 6. Карта 2.
4. Возникновение и развитие химии с древнейших времен до XVII века / Под ред. Ю.И. Соловьева / М.: Наука, 1980. С. 37–39.
5. Словарь античности / Сост. Й. Ирмшер, Р. Ионе / М.: Внешсигма, 1992. С. 350, 351.
6. *Краузе Э.* Техническая деятельность первобытной эпохи // Вселенная, и человечество. СПб., 1907. Т. 5. С. 98–100; См. также: *Filip J.* Enzyklopadisches Handbuch zur Ur-und Fruhgeschichte Europas. Prag, 1969. В. 2. S. 813, 814.
7. *Мунчаев Р.М.* Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 158–225.
8. *Кореневский С.Н.* Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М., 1993. С. 102–106; *Он же.* Галюгай – поселение майкопской культуры. М., 1995. С. 7–11 и др.
9. *Марковин В.И.* Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978. С. 64–66.
10. *Резепкин А.Д.* Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988.

11. *Ловпаче Н.Г.* Этническая история Западной Черкесии. Майкоп, 1997. С. 40.

12. *Чеченов И.М.* Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик: Эльбрус, 1973. С. 52–56; *Он же.* Богатые захоронения в кургане раннебронзового века, у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980. С. 26, 31; *Он же.* Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем II // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984. Т. 1. С. 223–234.

13. *Гей А.Н.* Новотиторовская культура. М., 2000. С. 191–199.

14. *Марковин В.И.* К вопросу об изучении степных археологических культур и культур горных районов Кавказа в эпоху бронзы // Кавказ и степной мир в древности и средние века (Материалы международной научной конференции). Махачкала, 1999. С. 25–27.

Список сокращений

- АБНО – Абхазское научное общество.
АБИЯЛИ – Абхазский институт языка, литературы и истории.
АО – Археологические открытия (сборники).
АС – Археологический съезд.
БРЭ – Большая Российская энциклопедия (издательство).
ВДИ – Вестник древней истории (журнал).
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.
ИАК – Известия Археологической комиссии.
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук.
ИЦ – Исследовательский центр.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
ЛО ИА РАН – Ленинградское отделение Института, археологии РАН.
МАК – Материалы по археологии Кавказа.
М – Москва.
МГУ – Московский Государственный университет.
РА – Российская археология (журнал).
СА – Советская археология (журнал).
СПб. – Санкт-Петербург.
СЭ – Советская этнография (журнал).

Рисунки к работе В.И. Марковина о кургане Псынако

Рис. 1. Курган Псынако:

I – схематический план кургана с заложенными на нем шурфами 1–6 (по отчету М.К. Тешева, 1983 г.);

II – план кургана (работы 1984 г., обмеры В.И. Марковина).

Условные обозначения:

а – остатки курганной насыпи и перемещенные её части (на плане – **а**), **б** – следы работы бульдозера с перемещенными камнями (на плане – **А**), **в** – предполагаемая граница основной части кургана, **г** – предполагаемая часть границы кургана, образовавшаяся в процессе разрушения насыпи, **д** – глиняная подушка, **е** – дромос, **ж** – деревья, кустарник; **1** – кромлехи, **2** – строительная площадка, **3** – каменный ящик, **4** – непо потревоженный участок насыпи.

Рис. 2. Курган Псынако:

1 – Центральная часть кургана до раскопок 1984 г.,

2 – непо потревоженная часть насыпи кургана.

Рис. 3. Курган Псынако:

1 – профиль кургана по линии север-юг,

2 – профиль кургана по линии запад-восток. В центре кургана виден дольмен, над ним толос, частично глиняная «подушка». Выпуклые и пониженные участки кургана отмечены вертикалями.

Рис. 4. Нижняя часть кургана Псынако с остатками кромлехов:

I – западный кромлех,

II – восточный кромлех.

Условные обозначения:

А – находки на глубине 4,10–4,30 м.; **Б** – находки на глубине 4,30–4,40 м.; **В** – находки на глубине 4,40–4,60 м.; **Г** – находки на глубине 4,60–5 м.;

1 – черная керамика, **2** – красная керамика, **3** – кремль, **4** – комки обмазки, **5** – индивидуальные находки; **а** – срезанный край кургана, **б** – граница каменной наброски, **в** – зола, **г** – уголь, **д** – конкреции лимонита, **е** – плотная серая глина, **ж** – уплотненная платформа.

Рис. 5. Находки из нижней части кургана Псынако с остатками кромлехов: 1–6, 8–13, 15–18, 20–22, 24–29, 33–37 – керамика; 7, 14, 19, 23, 30–32, 38–40 – кремневые поделки.

Рис. 6. Находки из нижней части кургана Псынако: 1–5, 7–13, 16–20, 22, 25–29, 31–34 – керамика; 6 – бронза; 14, 15, 21, 23, 24, 30 – кремневые поделки.

Рис. 7. Курган Псынако. Кладка толоса и наслоения глиняной «подушки»:

1 – профиль по линии север-юг,

2 – профиль по линии запад-восток.

Условные обозначения:

а – гумус, *б* – норы животных, *в* – прожилки лимонита, *г* – галечник-материк, *д* – каменная насыпь, *е* – зольно-угольная прослойка, *жс* – рыхлая, желтая глина, *з* – плотная желтая глина, *и* – серая глина, *л* – коричневая глина с находками, *м* – коричневая глина с песком и гравием, *н* – плотная, темно-желтая глина, *о* – желтая глина с коричневыми включениями, *п* – черная глинисто-земляная масса (раствор).

Рис. 8. Дольмен кургана Псынако:

1 – план (*1–4* – отдельные плиты, *а* – кладка толоса, *б* – начало кладки дромоса), *2* – пол дольмена, *3* – передняя часть дольмена с выступами боковых плит, *4* – передняя плита со стороны камеры, *5* – задняя плита, *6, 7* – разрезы дольмена с видами на юго-восточную и северо-западную стороны, *8* – втулка.

Рис. 9. Курган Псынако. Обломки перекрытия дольмена.

Рис. 10. Курган Псынако:

1 – кладка толоса, внешний вид, *2* – дольмен и кладка толоса, вид сверху.

Рис. 11. Инвентарь из кургана Псынако: 1–4, 23, 29, 35, 46 – камень; 5, 13–17, 19, 26–28, 38, 41–47 – керамика; 6–12, 18–22, 24, 25, 30–34, 36, 37, 39, 40 – кремль, халцедон; 24–26, 29, 34 – по рисункам М.К. Тешева.

Рис. 12. План центральной части кургана Псынако с кладкой толоса, дольменом и дромосом, ведущим к нему (внизу его продолжение). На плане: 1–14 – камни перекрытия дромоса; линии «точка с чёрточкой» – стык камней насыпи с глиняной «подушкой» над центральной частью кургана и понижение насыпи над входом в дромос (обмеры В.И. Марковина).

Рис. 13. Курган Псынако. План дольмена с подходящим к нему дромосом:

1–14 – контуры плит перекрытия, *х* – находки; крупная косая штриховка – кладка толоса (обмеры В.И. Марковина).

Рис. 14. Курган Псынако:

1 – профиль юго-восточной стены дромоса, **2** – поперечный разрез входа в дромос; **а** – кладка, **б** – глина, **в** – слой с углями, **г** – заплывшая глина, **д** – этапные изменения в кладке дромоса (обмеры В.И. Марковина).

Рис. 15. Курган Псынако:

А – плиты перекрытия дромоса у стыка его с дольменом, **Б** – инвентарь из дромоса (1–3, 5, 6 – кремь, 4 – песчаник, 8–10 – керамика, 2, 5, 6 – по рисункам М.К. Тешева).

Рис. 16. Курганные сооружения с толосами (очень схематично):

1 – Лос-Мильярес (Испания), **2** – Микены (**а** – сечение дромоса), **3** – Алькаларе (Португалия; **а** – деталь дромоса), **4** – Ёрдхой (Дания), **5** – Малага (Испания), **6** – Барнене ан Плуазо (Франция), **7** – Нью-Грейндж (Ирландия; **а** – план центральной части).

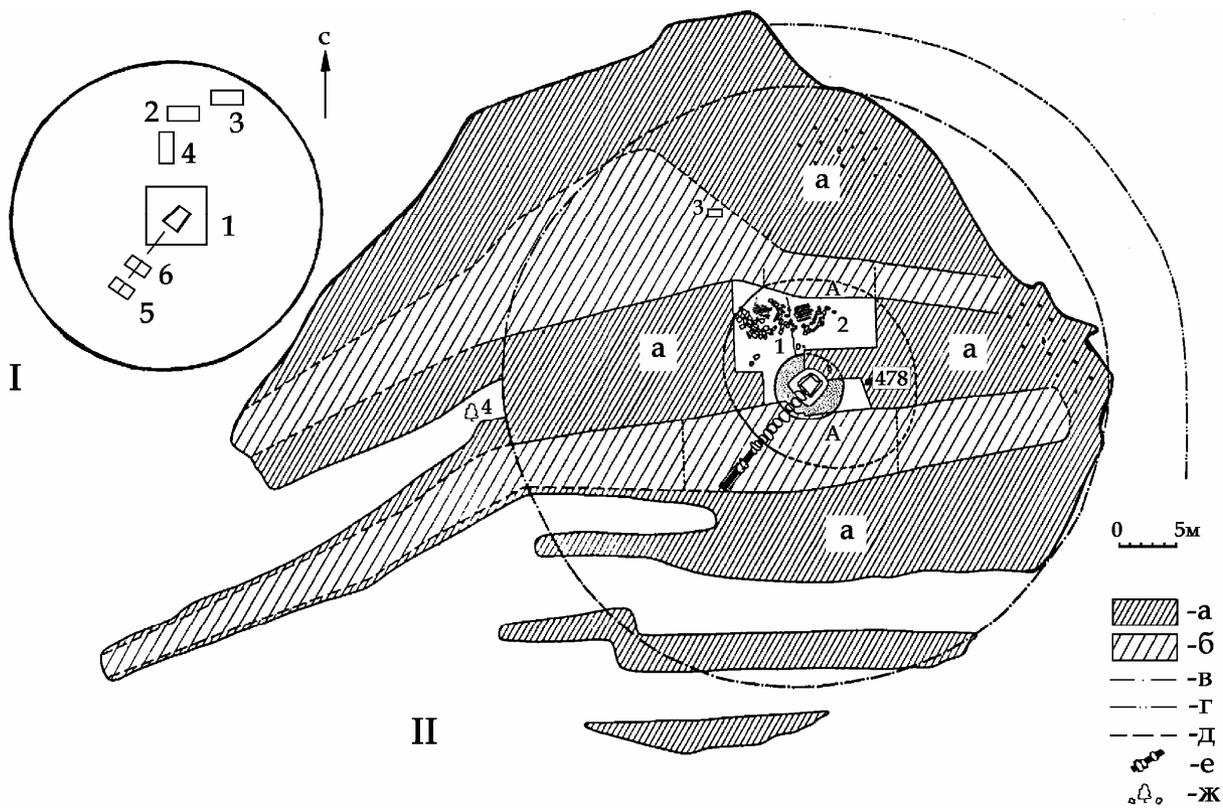

Рис. 1

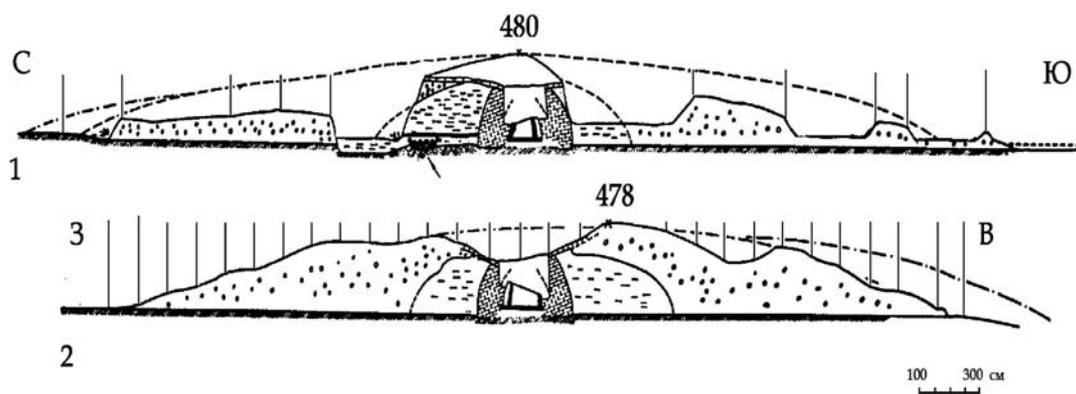

1

2

Рис. 2

Рис. 3

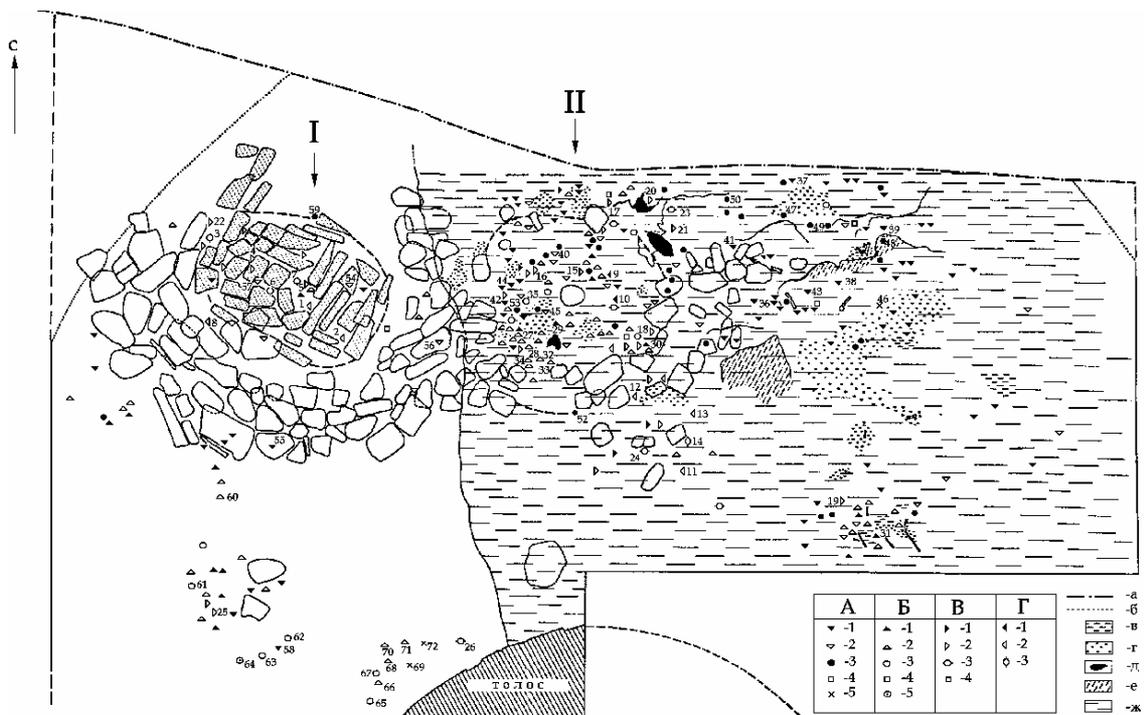
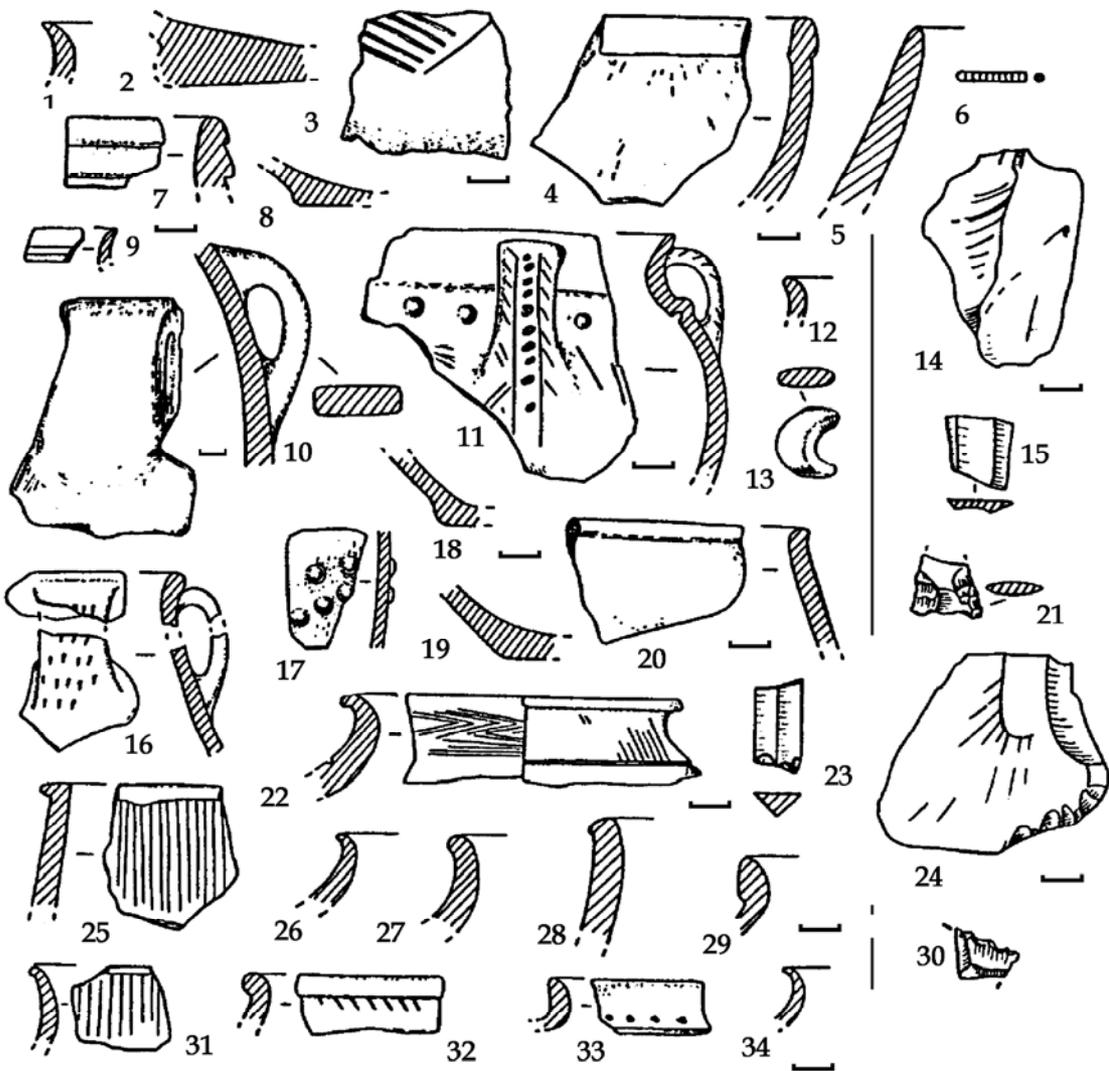

Рис. 4

Puc. 5

Рис. 6

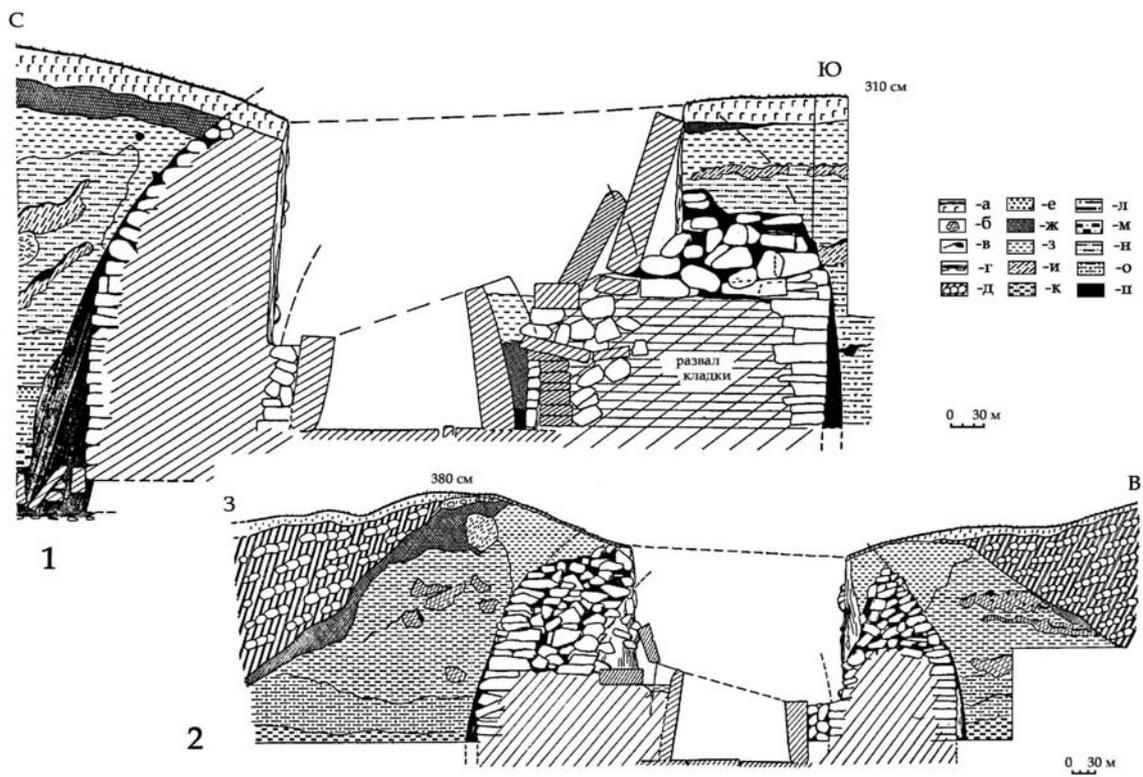

Рис. 7

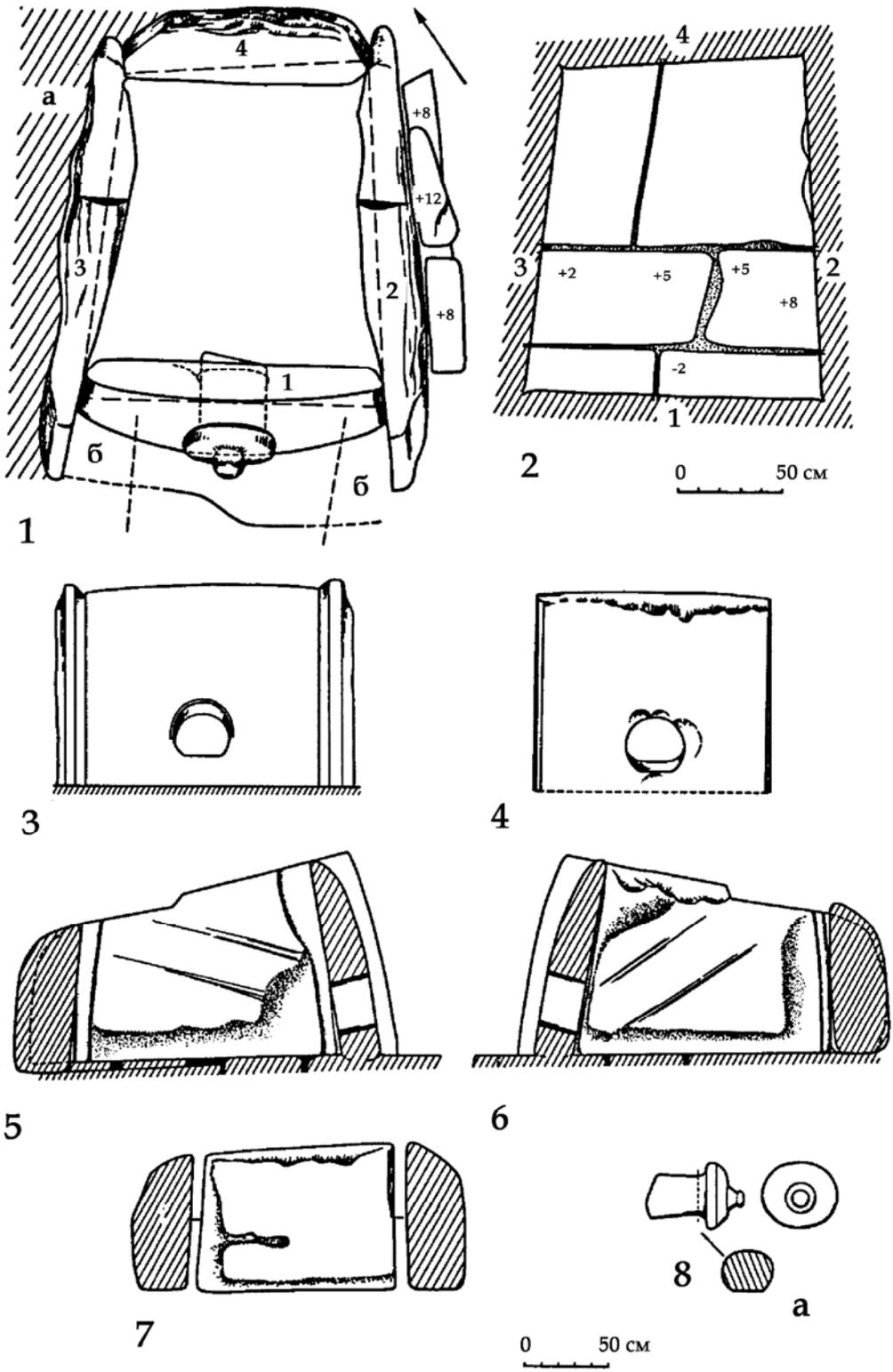
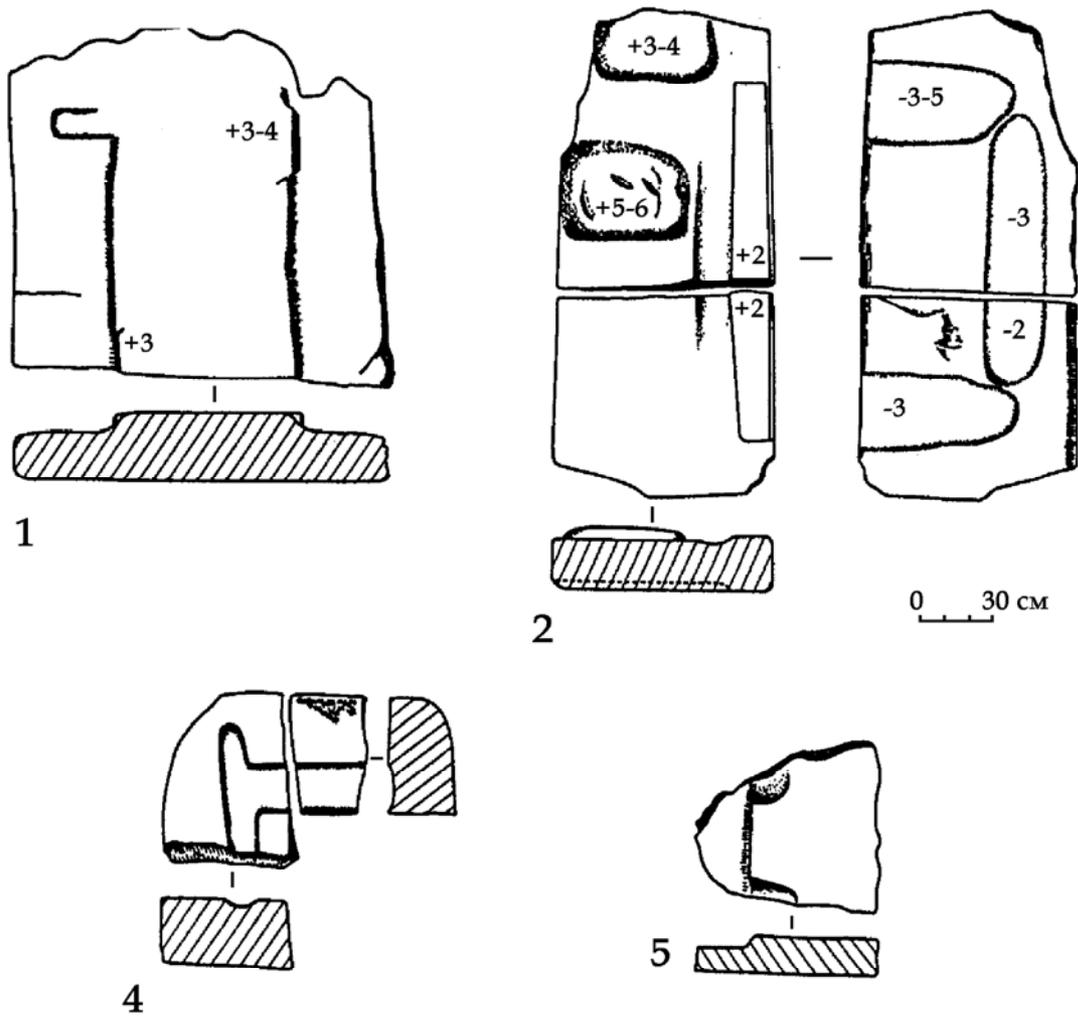
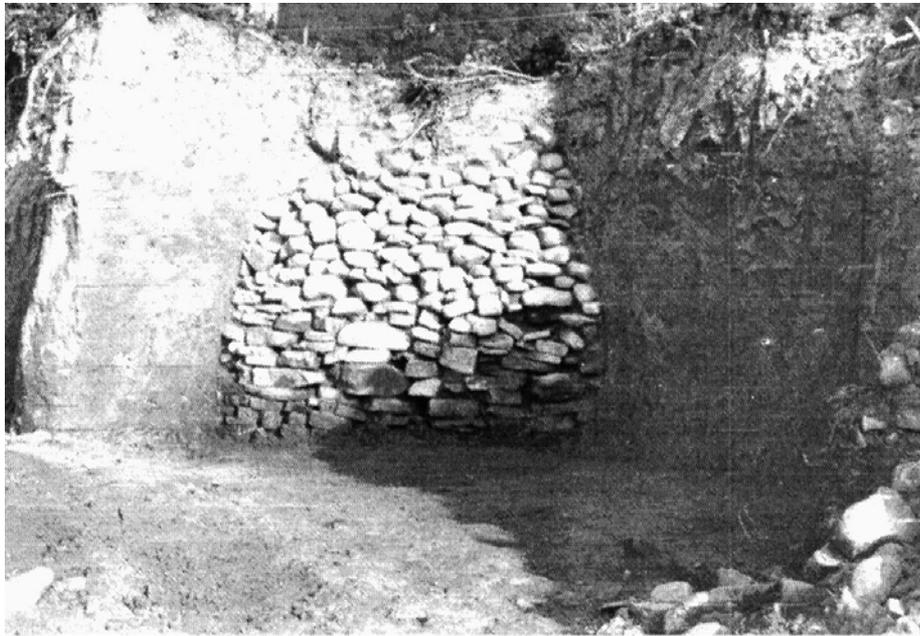

Рис. 8

Рис. 9

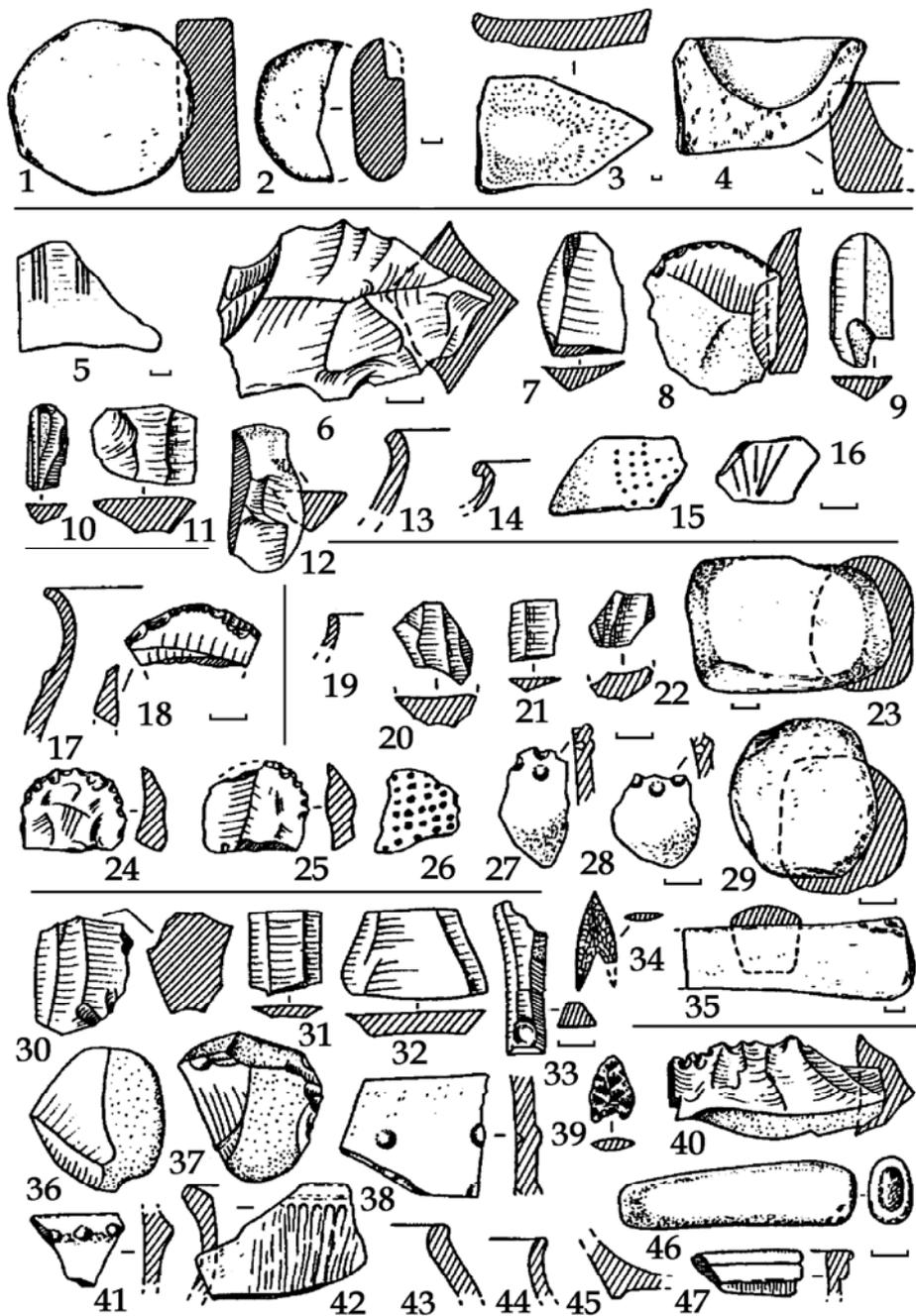

1

2

Рис. 10

Рис. 11

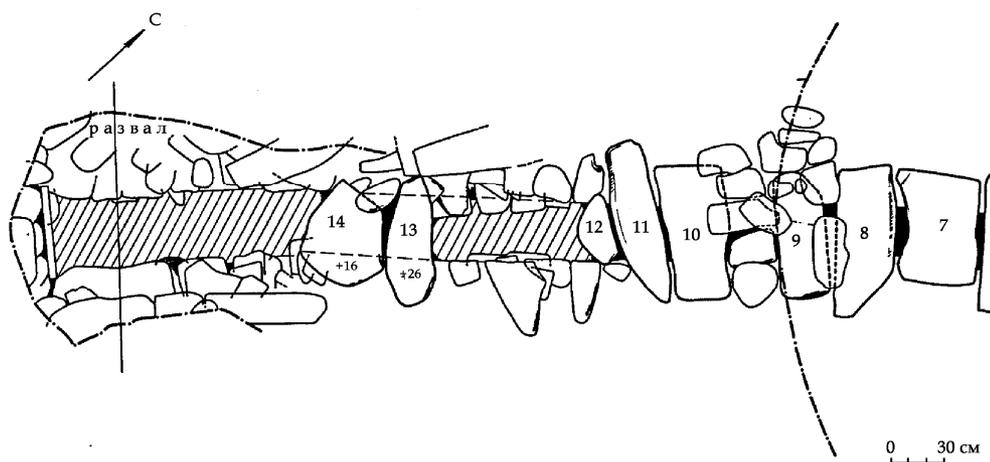
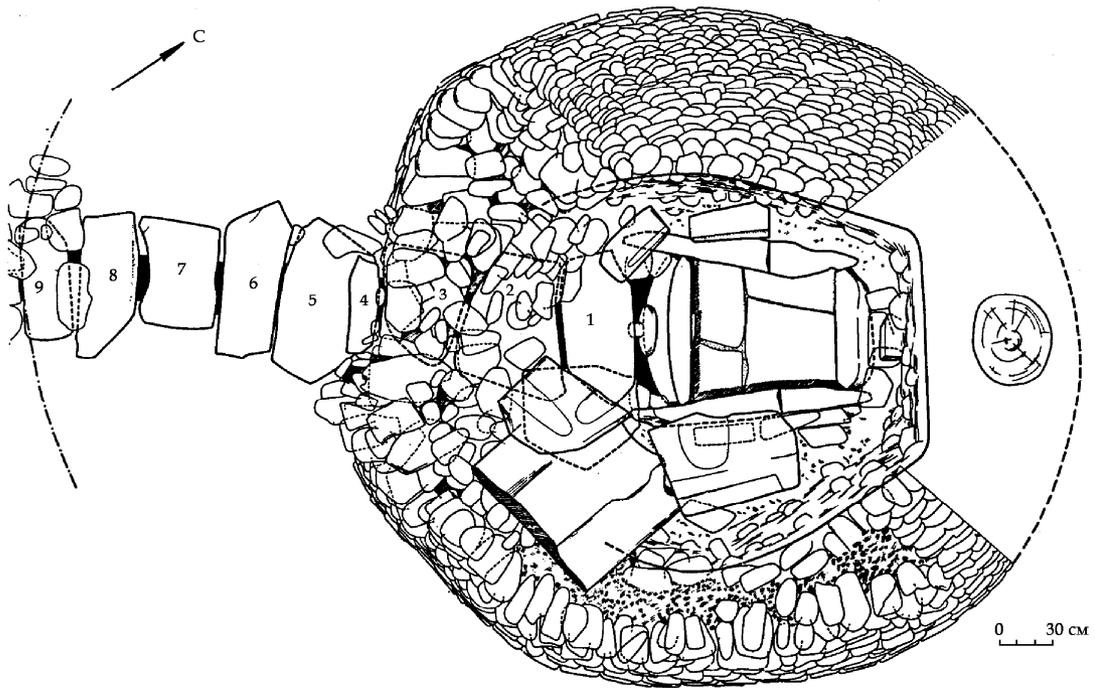

Рис. 12

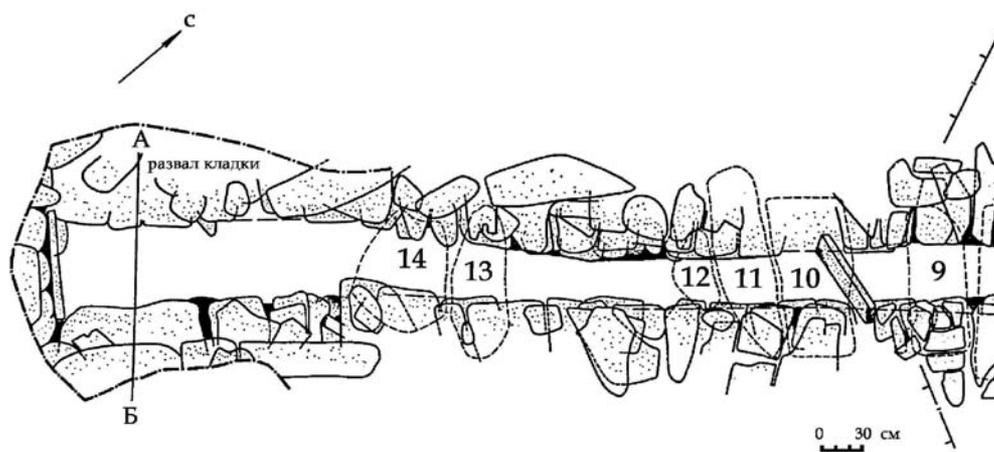
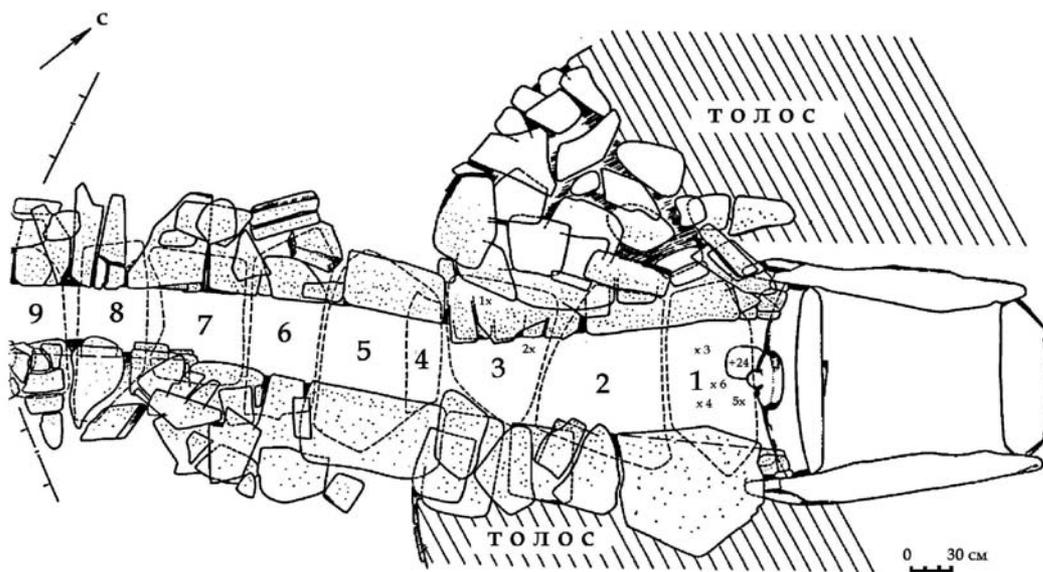

Рис. 13

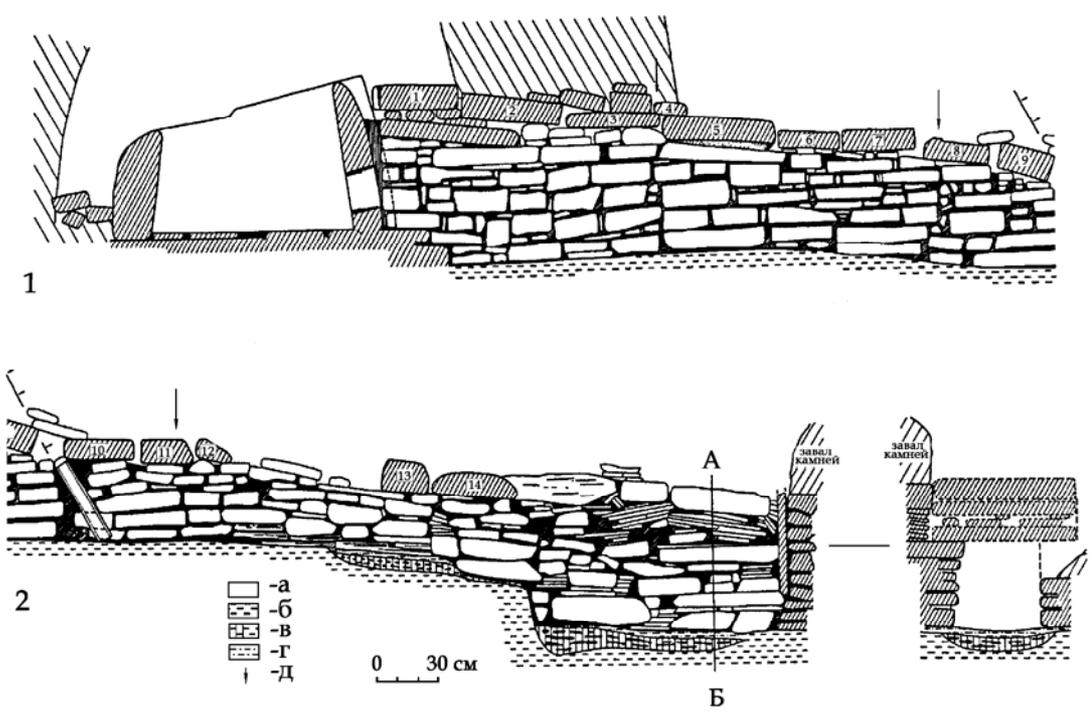
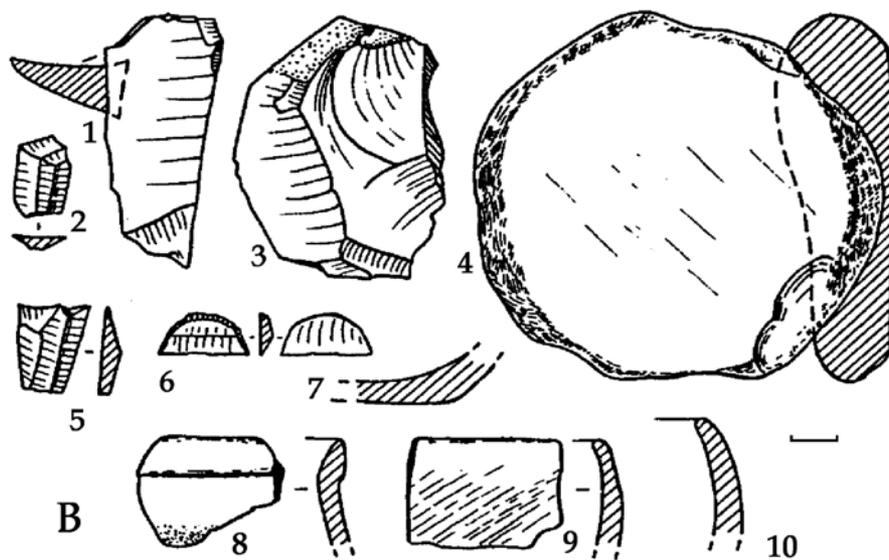
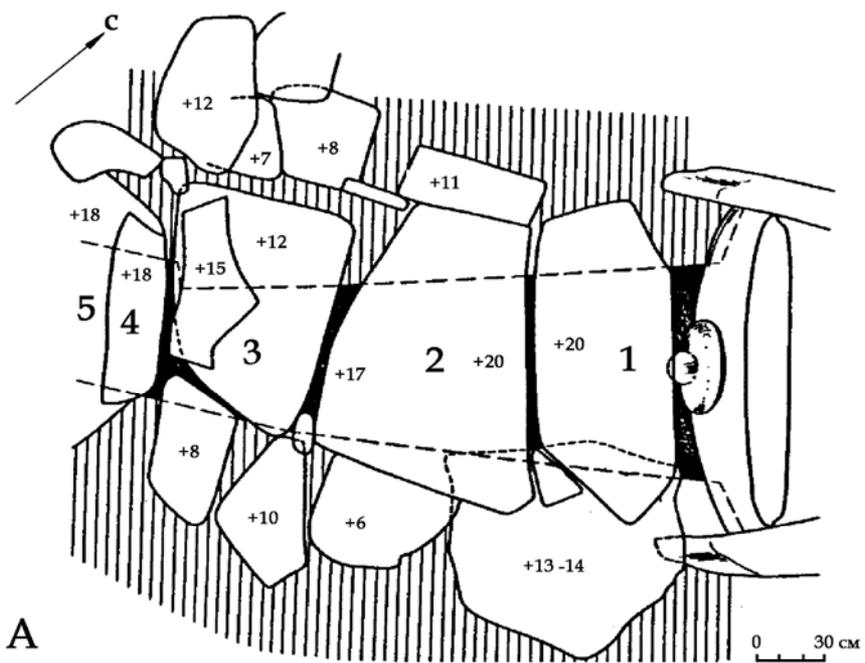

Рис. 14

Рис. 15

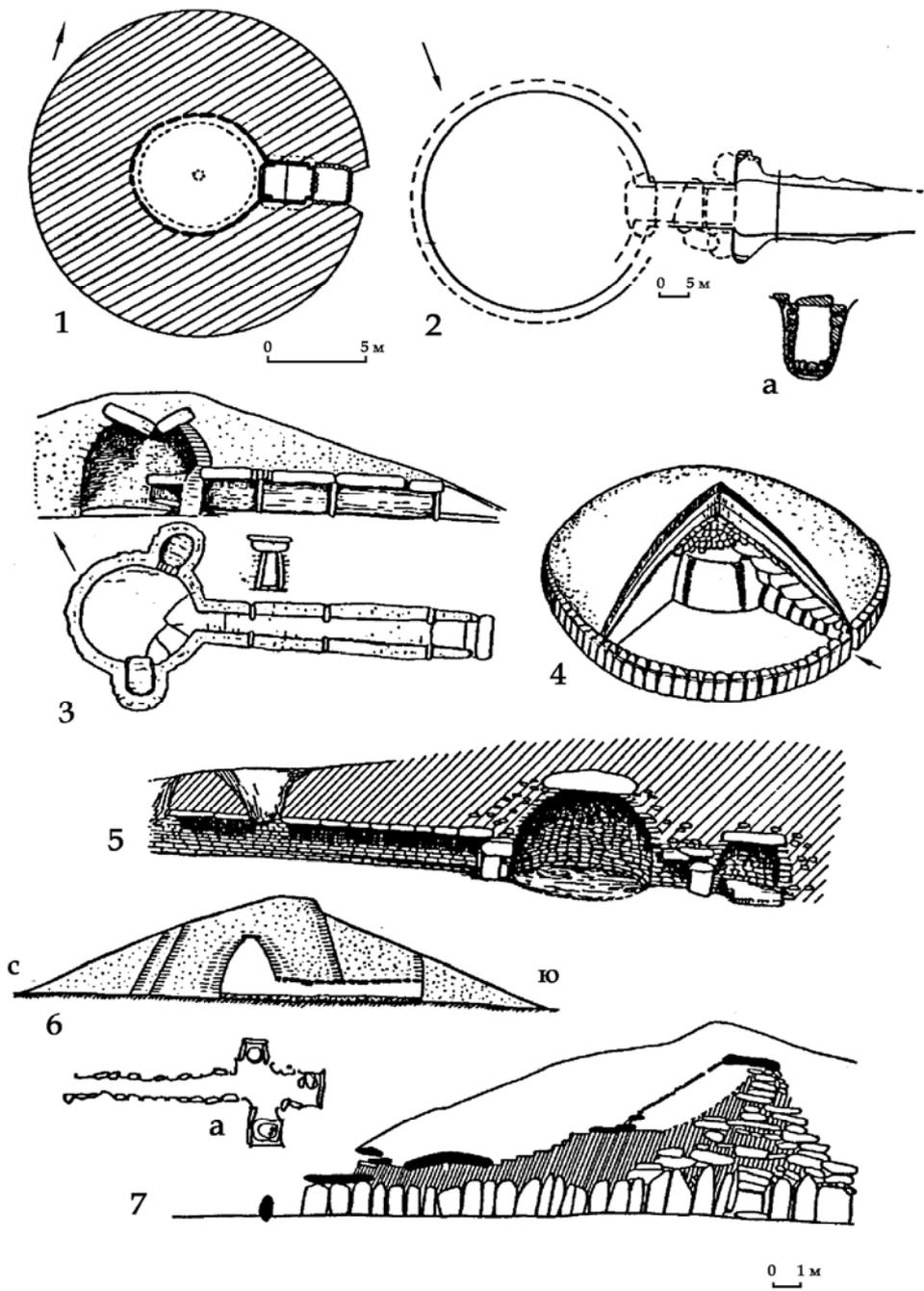

Рис. 16

Оглавление

Предисловие (В.А. Кузнецов).....	5
Глава 1 Дольменные постройки эпохи бронзы и мистика в канун XXI века нашей эры (вместо введения).....	7
Глава 2 О дольменах Западного Кавказа и проблемах в их изучении.....	14
Глава 3 Открытие кургана Псынако и первые шаги к его изучению.....	22
Глава 4 Курган Псынако, его конструкции и археологический материал.....	28
Глава 5 Место кургана Псынако среди дольменов Западного Кавказа и мегалитов Евразии.....	42
Глава 6 Некоторые задачи в дальнейшем изучении дольменных памятников Кавказа (вместо заключения).....	58
Список сокращений	63
Рисунки к работе В.И. Марковина о кургане Псынако	64

Научное издание

В.И. Марковин

Курган Псынако
*памятник дольменной
культуры Кавказа*

Зав. издательским отделом
Хахова К.М.

Художественное оформление
Бгажнокова З.Х.

Компьютерная верстка
Кушковой И.Х.

Сверка текста с оригиналом
рукописи произведена
Игонькиной Л.А.

ISBN 978-5-91766-030-1

9 785917 660301

Подписано в печать 04.05.2011 г. Бумага офсетная.
Формат заказной. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 9. Тираж 500 экз. Заказ № 43.

Учреждение РАН
Институт гуманитарных исследований
Правительства КБР и КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, Пушкина, 18

По вопросу приобретения книг, изданных КБИГИ, обращаться:

тел.: 8(8662) 42-42-77

e-mail: kbigi@mail.ru

Сабанчиева Л.Х. Гендерный фактор традиционной культуры кабардинцев: вторая половина XVI – 60-е гг. XIX века. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издательский центр «Эль-Фа», 2005. 246 с.

Народная инструментальная музыка адыгов. Сост. *Кардангушев З.П., Гучева А.В.* Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. 342 с.

Адыгские сказки. Сост. *Тхамокова Ж.Г.* Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. 834 с.

Торгово-экономические связи России и Северного Кавказа в период Кавказской войны (40–50-е гг. 19 в.). Сборник архивных документов. Сост. *Кумыков Т.Х.* Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2005. 488 с.

Тимижев Х.Т. Литература черкесского зарубежья. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. 392 с.

Шакова М.Х. Кабардинский драмтеатр. Нальчик: ГП КБР «РПК им. Революции 1905 г.», Издательский центр «Эль-Фа», 2005. 448 с.

История КБР в трудах Кокиева Т.Н. Сост. *Мамбетов Г.Х.* Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издательский центр «Эль-Фа», 2005. 904 с.

Адыгская публицистика (вторая половина XIX–начало XX века). Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2005. 358 с. Сост. *Р.Х. Хаишхожева.*

Бижоев Б.Ч. Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. 352 с.

Гишев Н.Т., Таов Х.Т., Унатлоков В.Х. Лингвистическая литература по адыгским языкам. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издательский центр «Эль-Фа», 2005. 374 с.

Дзуганова Р.Х. Морфонологические процессы в кабардино-черкесском словообразовании. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. 216 с.

Кабардино-Балкария: тыл и фронт. К 60-летию Великой победы. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издательский центр «Эль-Фа», 2005. 339 с.

Кабардино-черкесский язык в 2-х томах. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2006.

Думанов Х.М. Краткий словарь этнографических терминов кабардино-черкесского языка. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издательский центр «Эль-Фа», 2006. 212 с.

Тимижев Х.Т. Историческая поэтика и стилевые особенности литературы адыгского зарубежья. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2006. 360 с.

Труды КБИГИ 1926–2006 гг. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издательский центр «Эль-Фа», 2006. 504 с. Сост. *Хашукова Р.М.*

Пчелов Е.В. Кабардинская земля в царском титуле и русской государственной геральдике XVI – начала XX века. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2007. 86 с.

Хакуашева М.А. Литературные архетипы в художественных произведениях адыгских писателей. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2007. 378 с.

Органы государственной безопасности и общество. Кабардино-Балкария (1920–1992). Сборник документов и материалов. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2007. 376 с. Сост. и автор комментариев *кандидат исторических наук А.В. Казаков.*

Адыгская (черкесская) энциклопедия. Москва, 2006. 1248 с.

Муратова Е.Г. Социально-политическая история Балкарии 18 – начала 20 в. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2007. 420 с.

История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.

Улаков М.З., Махиева Л.Х. Карачаево-балкарско-русский словарь лингвистических терминов. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2008. 104 с.

Идеал сказки. Сост. *Тхамокова Ж.Г.* Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. 496 с.

Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века: Исследования и материалы. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. 496 с.

История адыгов в документах Османского государственного архива. Сост. *Кушхабиев А.В.* Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. Вып. 1. 404 с.

Л.И. Лавров. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. 556 с.

Жанситов О.А. Антибольшевистское движение и деникинский режим в Кабарде и Балкарии (1917–1920 гг.). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. 151 с.

Гучева А.В. Национальная гармония в традиционной музыкальной культуре адыгов второй половины XIX – конца XX вв. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2009. 244 с.

Карданов М.Л. Образование и функционирование анатомической номенклатуры кабардино-черкесского языка. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. 160 с.

Жилетежев Х.Ч. Специфика собственных имен существительных в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. 114 с.

Сарбашева А.М. Балкарская драматургия: этнофольклорная традиция и эволюция жанра. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. 240 с.

Кажарова И.А. Человек и история в адыгской поэзии 1970–1990-х гг. (Художественно-философский аспект). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. 106 с.

Дзагов Р.Н. Взаимодействие культур в процессе формирования многонационального населения Кабарды в XIX – начале XX века. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. 164 с.

Гузеев Ж.М. Семантический способ словообразования в тюркских языках. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. 236 с.

Мусуков Б.А. Морфологическая деривация глаголов в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. 256 с.

Тимижев Х.Т., Тхагазитов Ю.М. Адыгский роман: эволюция жанра и художественно-эстетические особенности. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. 168 с.

Гутов А.М. Народный эпос: Традиция и современность. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. 228 с.

Бгажноков Б.Х. Антропология морали. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 128 с.

Атабиева А.Д. Эволюция балкарской детской литературы (проблемы жанрового развития). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 180 с.

Базиева Г.Д. Художественная культура Кабардино-Балкарии в полиэтничном пространстве России. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 296 с.

История кабардино-черкесской литературы на кабардинском языке. Отв. ред. *Тимижев Х.Т.* Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. Том I. 492 с.

Налоев З.М. Антология ранней адыгоязычной литературы. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. 352 с.

Гузеев Ж.М. Актуальные проблемы фонологии карачаево-балкарского языка. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 168 с.

Бгажноков Б.Х. Социальная организация семьи. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 128 с.

Бгажноков Б.Х. Отрицание зла в адыгских тостах. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 118 с.

Очерки истории балкарской литературы. Отв. ред. *Толгуров З.Х.* Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. 808 с.

Баков Х.И. Б. Утижев: поэт, писатель, драматург. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 376 с.

Дзагалов А.С., Шапарова А.К., Э.К. Кудашев: неизвестные страницы биографии. Нальчик, 2010. 160 с.

Готовятся к печати:

Марковин В.И. Курган Псынако – памятник дольменной культуры Кавказа.

Налоев З.М. Институт джегуако.

Шакова М.К. Адыгэ драматургием и псыпэ (Зарождение адыгской драматургии).

Гутова Л.А. Народная афористика в художественном контексте (сравнительный анализ на материалах адыгского, английского и русского языков).

Истоки национальной литературы: ретроспектива (Бекмурза Пачев и авторское устное творчество). *Отв. ред. Гутов А.М.*

Берберов Б.А. Тема депортации в карачаево-балкарской поэзии (на материале устной и письменной словесности).

